

СТРАСТИ

болезни души

Составитель Сергей Михайлович Масленников

Сибирская Благовонница
Москва
2011

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 11-103-0204

С 83 **Страсти—болезни души. Тщеславие.** Избранные места из творений святых отцов. / Сост., предисл. и прилож. Масленникова Сергея Михайловича. — М.: Сибирская Благовонница, 2011. — 185, [7] с. (Серия «Страсти—болезни души»).

ISBN 978-5-91362-413-0

Многие люди в мире любят творить добрые дела, чтобы испытывать приятное чувство самодовольства, а некоторые делают их напоказ, для похвалы человеческой, тогда приятность еще сильнее, сладкий яд тщеславия еще более «концентрированный». Также и мы, христиане, если исполняем заповеди Христовы и не устраняем возникающего самодовольства, то не только не спасаемся, а наоборот, губим себя, развивая страсть тщеславия. Возникающее внутри чувство приятности нужно осуждать как грех и каяться в нем.

На основе творений святых отцов и простых примеров из современной жизни читателю предлагается обнаружить в себе самую скрытую из всех страстей-болезней души и научиться бороться с нею.

УДК 42
ББК 86.37-42

© Масленников С. М., составление,
предисловие, приложение, 2011
© Издательство Сибирская
Благовонница, оформление, 2011

ISBN 978-5-91362-413-0

Предисловие

Борьба со страстями — необыкновенно полезна: она более всего приводит к нищете духа.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

«Мало — изучить страсти с их многоплетенными отраслями в чтении книг отеческих: надо прочесть их в живой книге душевной и стяжать знания о них опытные» * .

Приведенная цитата содержит несколько призывов великого святителя Церкви Христовой, обращенных к православным христианам, существенно важных для нашего спасения:

1. изучить страсти с их отраслями;

* *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения: В 7 т. М.: Сретенский монастырь, 1996–2001. Т. 2. С. 217. В дальнейшем ссылки на это издание в Предисловии и Приложении о тщеславии, с указанием номера тома и страницы. Цифрой-номером в квадратных скобках обозначены примечания к цитируемым творениям святых отцов.

2. изучить их по творениям святых отцов;
3. увидеть эти страсти в своей душе;
4. обрести опыт борьбы с ними.

Разберемся подробно с каждым разделом. Посмотрим, насколько посильно нам, современным христианам, освоить все это.

1. Почему так необходимо изучить страсти? Возможно ли без такого знания спастись? В нынешние времена на эту тему говорить не принято. Может быть, это казалось важным для древних христиан, монахов и отшельников? А мы-то, немощные, куда устремляемся? Но вот беда, незнание не освобождает от ответственности! Не стать бы нам гостями без брачной одежды, которые будут выброшены во тьму внешнюю (см.: Мф. 22, 12–13). Не уподобиться бы юродивым девам, светильники которых оказались пусты (см.: Мф. 25, 1–13). Апостол предупреждает: *Каждый из нас за себя даст отчет Богу* (Рим. 14, 12). И застанет нас смерть во страстях наших, если мы ничего о них не знаем: «Страсти живут тайно в людях, проводящих рассеянную, невнимательную жизнь; по большей части они (страсти) удовлетворяются ими (людьми), по большей части не примечаются

ими, по большей части оправдываются — часто признаются за чистейшие, возвышеннейшие добродетели» (1, 528). Это касается не только безбожников, но и нас, христиан, не обнаруживших наличие страстей в своей душе: «Лишены надежды спасения и те православные христиане, которые стяжали греховные страсти и посредством их вступили в общение с сатаной, расторгнув общение с Богом» (3, 165). Удивительное открытие! Если верить святителю Игнатию (а не верить нельзя), то страсти отрывают нас от Бога и соединяют с сатаной. Так говорит и Евангелие: *Ваш отец — диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего* (Ин. 8, 44). Поскольку знание о страстях у нас поверхностное, то некоторые проявления их, самые грубейшие, мы не допускаем, а с другими проявлениями совсем не боремся, а зачастую одобряем и любим их. Как же победить болезни души? Ведь вот что может ожидать нас: «Если же будешь поглажать им (страстям), беседовать с ними, питать их в себе и услаждаться ими, то они умертвят тебя» (5, 149). Умертвят вечной смертью, т. е. «помогут» перейти душе в ад, навсегда. Всякому понятно, что пораженный несколькими

смертельными болезнями и не обращающий на них никакого внимания — обязательно умрет. Лишится жизни и тот, кто ведет борьбу только с некоторыми симптомами болезни, а другие, наоборот, любит и развивает. Но мертвому никакое лекарство уже не поможет. Так и душа, имеющая в себе страсти и не ведущая должной борьбы с ними, станет добычей сатаны, добровольной жертвой ада, а, оказавшись там, не сможет изменить своей участи, потому что покаяние после смерти теряет силу. Можно ли откладывать изучение предложенной темы, когда предстоит борьба до пролития крови, а день и час смерти никому не известен?

2. Святитель Игнатий предлагает современному христианину изучить страсти по творениям святых отцов. Бесценный духовный опыт передавался из поколения в поколение. Опытные старцы восприняли от своих наставников навык борьбы со страстями, победили собственные болезни души, стяжали в борьбе благодать, понесли тяжкий крест учительства в отношении новых подвижников и по внушению Святого Духа оставили нам свои писания — нам,

христианам последних времен, пытающимся обрести спасение по книгам, за неимением духоносных, прозорливых отцов, способных видеть души человеческие и врачевать их болезни. Но способны ли мы воспринимать эти творения?

В течение восьми лет автор этих строк вел на приходе огласительные беседы, воскресную школу для взрослых; помогал прихожанам готовиться к Таинствам, разбираться в трудных жизненных обстоятельствах, искать путь спасения, и встретился только один человек, самостоятельно читавший творения древних отцов, но, к сожалению, он не мог их понимать и применять в жизни. Еще один человек самостоятельно прочитал труды святителя Игнатия (Брянчанинова) и после этого пришел к вере. Остальные прихожане (400 человек) обучались вопросам веры уже в храме. После нескольких месяцев занятий по изучению Евангелия, основ веры, правил христианской жизни, страстей, смертных грехов, принесся генеральную исповедь и начав постоянно бывать за богослужением и приступать к Святым Таинствам, лишь немногие прихожане оказались

способными читать самостоятельно труды святителя Игнатия, а единицы — древних отцов. Другие же могли усваивать материал лишь в простой доступной форме, с обязательными примерами из жизни. Бóльшая часть слушателей понимала только примеры. Такова реальная картина! Ум современного человека с трудом воспринимает язык, стиль и смысл произведений древних учителей точно так же, как первоклассник — научные работы. Можно, поупражнявшись, привыкнуть к языку и стилю: для образованного человека это вопрос времени и усердия, а вот «войти» в тему, изучить ее — это совсем иное. Одно дело — удерживать нить рассуждения, читая сложные предложения длиной в целую страницу, если тема тебе понятна и знакома, и совсем другое дело — постичь смысл того, с чем никогда еще не встречался. Можно перечитывать коротенький абзац три раза и с горечью оставить его так и непонятым. Охватывать тему необходимо постепенно: от самого простого к более сложному, как изучаются любые науки. Надо помнить, что спасение — наука из наук, которую бесполезно осваивать теоретически. Многое

в духовной жизни остается непонятым потому, что в миру это считается безумием, поэтому принимается только верой, соединенной с покаянным подвигом: *Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть* (1 Кор. 1, 18).

3. Всякий человек, осознавший с Божьей помощью смертельную опасность болезней души — страстей, пожелает поскорее исследовать себя: а вдруг поражен ими? Тогда медлить нельзя: «Пребывание в смертном грехе, пребывание в порабощении у страсти есть условие гибели вечной» (5, 436).

В конце Приложения дан перечень грехов, рождающихся от соответствующей страсти. Внутренний анализ сделать очень легко: если есть симптомы (грехи), то есть и сама болезнь (страсть). Теперь остается решить: бороться или продолжать изображать из себя христианина, оставаясь рабом сатаны и добровольной жертвой ада.

4. Если кто-то выберет борьбу, то святой Игнатий дает следующий совет: «Каждое сопротивление, оказанное требованию страсти, ослабляет ее; постоянное сопротивление низлагает ее. Каждое увлечение страстью

усиливает ее, постоянное увлечение страстью порабощает... увлекающегося ею» (1, 525).

Казалось бы, все процитированное просто для понимания, но будем помнить, что противостоит человеку в этой борьбе — диавол, враг рода человеческого, поэтому быстрых и легких побед не бывает, а скорее наоборот: «Пострадавший и распявшийся за нас Богочеловек требует от учеников и последователей Своих, чтоб они подражали Его страданиям, чтоб пожертвовали всем временным для вечного, тленным для нетленного, чтоб были учениками и последователями Богочеловека самую жизнью» (1, 525).

Учителя Церкви разделяют все грехи на восемь частей. У каждой части свои особые проявления, как и у болезни телесной свои особые симптомы, поэтому в церковнославянском языке болезнь души названа страстью, т. е. страданием души. По способу взаимодействия между собой страсти разделены отцами на две группы: одна объединяет с первой по шестую (чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние); другая объединяет седьмую и восьмую (тщеславие, гордость). Об этом можно почитать во втором

томе «Добролюбия», у святого Иоанна Кассиана.

Как внутри первой, так и внутри второй группы страсть предыдущая усиливает последующую. Например, если человек не следит за режимом питания, объедается, употребляет разнообразные напитки без меры, не соблюдает постов, — все перечисленное относится к страсти чревоугодия, то у него обязательно будет подпитываться и блудная страсть, которая может сразу не проявляться, но, постепенно окрепнув, неожиданно нанесет удар. Невнимательно относясь к чревоугодию, блуду и сребролюбию, мы создаем условия для развития гнева, потому что для удовлетворения указанных страстей необходимо употреблять усилие, а желаемый результат не всегда удается достигнуть. При этом, естественно, возникнет раздражение, осуждение и гнев, — так постепенно формируется следующая страсть. Если гнев не привел к удовлетворению предыдущих страстей, то присоединится печаль, как мрачное расстройство от несбывшейся мечты и неисполнившегося желания. Причем если мы начнем бороться со страстями, то каждая, побежденная ранее,

будет ослаблять последующую. Это знание облегчает нам борьбу. Против опытного и коварного врага должна применяться грамотная тактика, как на войне, иначе никогда не победить. Во второй группе страстей между тщеславием и гордостью есть такая же взаимная связь: сильно развитое тщеславие является началом гордости.

Особый интерес представляет взаимная связь между группами. Оказывается, страсти второй группы могут расти тогда, когда уменьшаются страсти первой группы. Вот такая опасная особенность, и если мы не знаем об этом, то опыт пребывания в Церкви может печально для нас закончиться — печалью вечной, адской, безутешной, поэтому обращение к святым отцам, тонким исследователям души человеческой, абсолютно необходимо. Борясь со страстями первой группы, проявления которых обычно хорошо видны, как грубые и явные, мы почти не замечаем незаметных действий страстей второй группы и тем более не понимаем самого «механизма» перехода страстной силы из первой группы во вторую.

Неопытный ум не в состоянии разглядеть этот скрытый «канал связи». Схема

работает по принципу сообщающихся сосудов из школьного курса физики: если поршнем выдавливать жидкость из левого сосуда, то она перемещается в правый. Точно так же, ограничивая страсти первой группы и оставляя без борьбы вторую группу, мы открываем возможность для страстной силы переместиться в более пригодное для нее место. Фактически, никакой победы не происходит. Наоборот, состояние души делается более опасным: раньше грехи были грубыми и легко заметными, а теперь стали тонкими, расширяющими поле греховной жизни, разнообразно и прикровенно действующими. Бесполезно и опасно вести борьбу с грубыми страстями и не обращать внимание на тщеславие. Необходимо «перекрывать» все страсти, а не «перегонять из одного в другое». При незнании этих особенностей легко допустить ошибку, и от спасения мы только удалимся, хотя внешне все будет идти хорошо. Окружающие люди смогут восхищаться тем, что у нас так замечательно проходит церковная жизнь, да и мы сами будем довольны, испытывая некоторую радость от того, что одерживаем победы. Это

и есть тщеславие — самая тонкая и скрытая из всех страстей.

Предлагаемая книга подобна учебнику, по которому можно научиться не только обнаруживать страсть, но и бороться с нею. Сущность страсти раскрывают творения святых отцов Церкви, а для удобства и простоты усвоения темы в Приложении приводятся примеры из современной жизни и перечень грехов, рождающихся из тщеславия.

Некоторые фразы и предложения в тексте выделены, желательно обратить на них внимание и запомнить, чтобы борьба была результативной, — да поможет в этом Господь.

Отцы Церкви о тщеславии

Святой Иоанн Кассиан Римлянин*

Борьба с духом тщеславия

118. Седьмая брань предлежит нам с духом тщеславия — разновидным, изменчивым и тонким, так что с самыми остросзоркими глазами едва можно не только предостеречься от него, но его рассмотреть и узнать. Прочие страсти просты и однообразны, а эта многочисленна и многообразна, и отовсюду и со всех сторон встречает воина, и когда он еще борется, и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христа и одеждою, и статностью, и походкой, и голосом, и работою, и бдениями, и постами, и молитвою, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостью, и повиновением,

* Добротолюбие: В 5 т. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. С. 74–81. Нумерация и орфография сохранены, как в оригинале.

и смирением, и благодушием, — и, как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причиняет внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре.

119. Итак, желающему идти царским путем с *оружиями правды десными и шуими* должно, по апостольскому учению, ровно проходить *славою и бесчестием, гаждением и благохвалением* (2 Кор. 6, 7–8) и с крайнею осторожностью направлять свое шествие путем добродетели, среди вздымающихся волн искушений, под управлением рассуждения и веянием Духа Господня, зная, что как скоро мы хоть немного уклонимся на право или на лево, то тотчас разобьемся о гибельные подводные скалы. Почему и слышим от премудрого Соломона увещание: *не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27), — т. е. не льсти себе из-за добродетели и духовными успехами своими не превозносись, равно как и уклоняясь на шуюю стезю страстей, не ищи, по апостолу, себе от них славы в срамоте твоей (см.: Флп. 3, 19). Дьявол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной

и блестящей одежды, в том пытается всеять его одеждою неуклюжею, неопрятною и нищенской; кого не мог ввергнуть в сию страсть честью, того подбивает на нее уничижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением красно говорить, у того вызывает это важничаньем в молчании. Если кто явно постится, то тревожим бывает суетною славою; а если кто из презрения к такой славе, станет скрывать пост, то терпит нападение от самовозношения. Чтоб не запятнаться приражением тщеславия, иной избегает совершать долгие молитвы на виду у братьий; но начав упражняться в них тайно, никого не имея свидетелем такого делания, не избегает он трубления пред собою. Прекрасно наши старцы изображают свойство этой болезни, сравнивая ее с луком и чесноком, которые по снятии одного покрова оказываются опять покрытыми другим таким же, и сколько раз ни снимай покровов, они все оказываются покрытыми.

120. Оно не перестает преследовать даже и того, кто, бегая славы, укрывается в пустыни от всякого общения с смертными; и чем дальше кто убегает от мира, тем ожесточеннее

оно нападает на него. Из живущих же в обителях иного покушается оно ввергнуть в превозношение тем, что он более всех терпелив в деле и труде; другого тем, что он паче всех скор на послушание; иного тем, что он превосходит всех других смирением. Иной искушается сим по причине обширности познаний, иной — по причине долгого сидения за чтением, иной — по причине длительности бдений. И всякого эта болезнь усиливается уязвить собственными его добродетелями, в том устроая претыкания в пагубу, чем снискиваются плоды жизни. Так и для желающих проходить путь благочестия и совершенства враги-наветники не инде скрывают сети прелести, как на том же пути, по коему они шествуют, по изречению блаженного Давида: *на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне* (Пс. 141, 4), — чтобы мы, на том именно самом пути добродетелей, коим течем, стремясь к почести вышнего звания, превознесшись своими успехами, спотыкались и, запутавшись в сети тщеславия, падали, имея связанными ноги души своей. Таким образом и бывает, что, тогда как остаемся мы не побежденными на-

падением противника, бываем побеждаемы высотой нашего над ним торжества.

121. Все другие страсти, будучи преодолеваемы, увядают, и будучи побеждаемы, с каждым днем становятся все слабее; также под влиянием места или времени истощаются они и стихают; или всячески, по причине их раздора с противоположными им добродетелями, удобнее бывает предостерегаться от них и избегать их. Но эта, будучи поражена, с большим ожесточением восстает на брань, и когда почитается испутившею дух, чрез смерть свою делается еще более живою, здоровою и мощною. Прочие страсти тиранствуют только над теми, которых победили в борьбе; а эта победителей своих еще ожесточеннее теснит и, чем сильнее была поражена, тем чрезмернее борет помыслом возношения по случаю победы над собою. В том особенно и видится тонкая хитрость врага, что по его козням воин Христов падает от собственных стрел, после того как сам он не мог его победить своими вражескими оружиями.

122. Прочие страсти, как мы сказали, успокаиваются под влиянием иной местности,

также стихают и истощаются при удалении предмета греха или удобства к нему и повода; а эта проникает в пустыню с убегающим туда от нее, и никакой местности не боится, равно как не изнемогает и от удаления с глаз предмета; потому что она почерпает мужество не инде где, как из успехов в добродетели того самого, на кого нападает. Прочие страсти, как мы сказали там впереди, с продолжением времени иногда смягчаются и исчезают; а этой долговременность не только не вредит, но еще больше собирает пищи для ее суетности.

123. Наконец, прочие страсти, как состоящие в раздоре с противоположными им добродетелями и воюющие открыто, как в ясный день, легче побеждать и удобнее предостерегаться от них; а эта протеснившись между добродетелями и смешавшись с нашим войском, сражается, как бы в темную ночь, и тем жесточе прельщает, что не ожидают и не опасаются ее нападения.

124. Читаем, что Езекия, царь Иудейский, муж совершенной праведности во всем, одною стрелою возношения был низложен, и кто одною молитвою мог испросить избиение

185 тысяч Ассирийского войска, тот побежден суетным славолубием; кто, после определением Божиим назначенного предела жизни и дня смерти, по своей молитве удостоен продления жизни еще на 15 лет, с удостоверением в том чрез возвращение солнца на 10 степеней, тот, после такого свидетельства о своей добродетели и такого знамения Божия к нему благоволения, за одно превозношение и возмечтание о себе, все потерял, и не только себя, но и весь народ свой подверг гневу Божию, и такому гневу, что когда, смирившись, стал умолять Бога со всем народом своим, то мог испросить только то, чтоб гнев тот не пришел во дни его (см.: 4 Цар. 20; 2 Пар. 32). Так гибельна и тяжело грешна страсть превозношения!

125. Озия, прадед упомянутого Царя, также восхваленный свидетельством Священного Писания, когда после многих добродетелей и многих первохвальных дел и учреждений ко благу народа превознесся тщеславным высокоумием и *обиде Господа Бога своего* не угодным Ему делом, тотчас ниспал с высоты славы своей и казнен проказою (см.: 2 Пар. 26). Вот и другой пример

тяжкого падения! Видите отсюда, как пагубны бывают счастливые успехи, когда при них не блюдут себя от тщеславия и превозношения, и как в таком случае такие себе не внемлющие и не блюдущиеся, не бывая сокрушены в трудных обстоятельствах, жестоко поражаются по поводу преодоления их и, избегая опасности смерти во время брани, падают по поводу торжества и побед.

126. Почему Апостол увещевает: *не бываем тщеславни* (Гал. 5, 26). И Господь, обличая фарисеев, говорит: *Как можете вы веровать, когда славу друг от друга принимаете, а славы, которая от Единого Бога, не ищите* (Ин. 5, 44)? О таких и блаженный Давид с угрозой говорит: *Бог рассыпа кости человекоугодников* (Пс. 52, 6).

127. Тщеславие новоначальных и тех, которые мало еще преуспели в добродетелях и в ведении духовном, обыкновенно превозносит или за тон голоса, т. е. что приятнее других поют, или за то, что они тощи плотью, или красивы телом, или что имеют родителей богатых и благородных, или что презрели военную службу и почести. Иному оно внушает,

что если бы остался он в мире, то легко стяжал бы и почести и богатство, хотя он никогда и не мог бы их достигнуть, — надывая его таким образом принесением в жертву безвестных надежд и заставляя тщеславиться оставлением того, чем никогда не владел.

128. На иного напускает оно желание священства или диаконства, рисуя ему в мысли, что он с такой святостью и строгостью исполнял бы тогда свое дело, что и прочим священникам мог бы послужить примером святости, а кроме того, многим доставил бы пользу и своим поведением и сказыванием поучений. Иногда и того, кто живет в пúстыни, или уединенничает в келье, заставляет оно мечтать в уме своем, будто он обходит дома разных лиц и монастыри и действием своих воображаемых убеждений многих обращает на путь должной жизни. И водится таким образом бедная душа туда и сюда такой суетностью, бредя как бы в глубоком сне, и, увлеченная сладостью таких помышлений и такими мечтами исполненная, большею частью бывает не в состоянии замечать ни своих действий, ни присутствия братьев, если бы они в самом деле были пред глазами, будучи вся сладостно

погружена, как в истинно происходящее, в то, чем, не спя, бредит, как во сне, в блуждании помыслов своих.

129. Помню, что, когда я жил в пустыне Скитской, один старец, придя в келью одного брата для посещения его, услышал, что тот внутри что-то говорит, и приостановился, желая узнать, что такое читает он из Священного Писания или на память что прочитывает, как там есть обычай делать это за работою. Приложив поближе ухо, благочестивый наблюдатель услышал, что брат, будто в церкви, предлагает поучение народу: это значило, что он, духом тщеславия обольщенный, представлял себя иереем и исполнял мечтательно лежавшее на нем дело. Подождав еще немного, старец услышал, что брат кончил поучение и, переменив должность, будто уж в сане диакона, начал возглашать: «оглашenniи, изыдите». Старец постучал в дверь. Брат, вышедши, встретил его с обычною почтительностью и, вводя внутрь, спрашивал, давно ли он пришел, делая вид, что беспокоится, не долго ли пришлось ему стоять вне и не потерпел ли он от сего чего неприятного, на деле же со-вестью угрызаемый за свои мечты и за то, что

делал вследствие их. Старец ласково ответил: я только что пришел, как ты возглашал «оглашении, изыдите».

130. Это здесь поместить я потому счел нужным, чтоб мы, имея пред очами полное изображение, с какой силою и в каком порядке нападают на нас страсти, которыми бедная душа бывает терзаема, могли быть более внимательны к себе и чрез то удобнее избегали сетей и западней вражеских. Так и египетские отцы поступают. Они не колеблясь все подобное износят на среду и рассказами своими о других и о себе — как бы и они все еще испытывали то, о чем рассказывают, — раскрывают и обнажают пред юными монахами борения всех страстей, и такие, какие уже претерпевают сии юные, и такие, какие еще имеют претерпевать, чтоб чрез такое изложение ими оболъщения всех страстей горящие духом новоначальные познали секреты настоящих своих браней и, видя их, как в зеркале, уразумевали как причины борющихся их страстей, так и средства против них, относительно же будущих бранных схваток, прежде чем они придут, наперед знали, как предостерегаться от них, как выступать

против нападающих и как сражаться с ними. Как искуснейшие из врачей имеют обыкновение не только настоящие болезни врачевать, но и будущим по своей прозорливой опытности противодействовать, предупреждая их предостерегательными наставлениями или целительными питьями, так и эти истиннейшие врачи душ, духовным своим наставлением, как бы неким противоядием (антидотом), наперед убивая болезни сердец, какие имели бы возникнуть, не дают им юнеть в душах юных иноков, открывая им и причины нападения страстей, и целительные против них средства.

131. Воин Христов, желающий законно подвизаться истинным духовным подвигом, всеми мерами должен стараться победить этого многообразного и разнovidного зверя. И во-первых, мы можем избежать самой встречи с этою многочастною, отовсюду против нас готовою выбежать непотребностью, если, содержда в мысли оное Давидское изречение: *Господь рассыпает кости человекоугодников* (Пс. 52, 6), ничего не будем дозволять себе делать или предпринимать с тщеславным намерением стяжать суетную славу.

Потом сделанное с добрым начинанием надобно нам усиливаться и сохранить с подобным же добрым блюдением, чтоб после того не прокралась болезнь тщеславия и не опустошила плодов всех трудов наших. Также что в поведении братий не принято в общий обычай и не делается всеми, то со всем старанием надо отклонять как дело хвастливое, и того, что может сделать нас заметными среди других и что, поелику мы одни то делаем, может стяжать нам славу у людей, всячески избегать. Этими себя выказываниями наипаче и обнаружится, что к нам пристала смертельная зараза тщеславия, чего, однако, мы могли бы избежать, если бы содержали в мысли, что не только совсем потеряем плод трудов наших, какие подымаем с тщеславным намерением, но и виновными сделаемся в большем преступлении и, как святотатцы, должны будем понести вечные муки; так как к оскорблению Бога восхотели для людей делать дело, которое должны были делать для Него, и чрез то людей предпочли Богу и славу мира — славе Божией, как обличит нас тогда ведущий сокровенная Бог.

Преподобный Нил Синайский*

О тщеславии

1. Тщеславие есть неразумная страсть и удобно примешивается ко всякому делу добродетели.

2. Сливаётся (и делается невидимую) черта, проведенная на воде; и труд добродетели — в душе тщеславной.

3. Бела рука, скрытая в недре, — и скрываемое дело сияет блистательнее света.

4. Плющ обвивается около дерева, и когда достигнет вершины, сушит корень; а тщеславие прививается (прирастает) к добродетелям и не отстаёт от них, пока не отнимет от них всего значения.

5. Гроздь винограда, до земли спустившаяся или прилегшая к земле, легко загни-

* Добротолюбие. Т. 2. С. 260–267.

ает; гибнет и добродетель, ко тщеславию прильнувшая.

6. Тщеславный монах — бесплатный работник: несет труд, а награды не получит.

7. Дырявый мешок не сохраняет в себе того, что вложено, и тщеславие губит мзду добродетелей.

8. Воздержание тщеславного — дым из печи; и то и другое рассеивается в воздухе.

9. Ветер замечает след человека, и тщеславие (в ничто обращает) милостыню.

10. Камень, как сильно ни брось его, не достигает до неба, — и молитва человекоугодника не взойдет на Небо.

11. Тщеславие есть подводный камень; если об него ударишься, погубишь груз.

12. Муж благоразумный скрывает сокровище, а благомысленный монах — труды добродетели.

13. На стогнах молиться советует тщеславие; но воюющий с тщеславием молится в клетки своей.

14. Человек безрассудный всенародно объявляет о своем богатстве и многих возбуждает к злоумышлению против себя; а ты, идя путем, где есть разбойники, скрывай, что

имеешь, пока не придешь в град мира и там не начнешь безопасно пользоваться своим добром.

15. Добродетель тщеславного — жертва *сокрушенная*, каковой жертвы не следует приносить на алтарь Божий (см.: Лев. 22, 22).

16. Уныние расслабляет душевную силу, а тщеславие болезненного делает здоровым, старика более сильным, чем юноша, если только много свидетелей того, что делается: тогда легки и пост, и бдение, и молитва; потому что похвала многих возбуждает усердие.

17. Не предавай трудов за славу человеческую и не отдавай будущей славы за похвалу, ничего не стоящую; ибо слава человеческая обращается в прах и молва ее замирает на земле, а слава добродетели пребывает вовеки.

18. Истинная добродетель не ищет людской похвалы и не услаждается почестью, этою матерью зол.

19. Начало почести — человекоугодие, а конец ее — гордость.

20. Домогающийся почестей сам в себе высится, и таковой не умеет переносить унижения.

21. Да будет для тебя честью труд в добродетелях, а бесчестьем — похвала взысканная.

22. Не ищи славы от плоти — ты, возревновавший отрешиться от страстей плоти, но взыскуй лучшего — и это будет тебе в славу.

23. Желаящий быть в почете завидует тому, кто превосходит его славою, присоединя к сему завидованию еще и ненависть.

24. Побежденный сильным желанием почета не терпит, чтобы кто-либо был ему предпочтен, но себе восхищает первенство, чтоб не показаться низшим кого-либо.

25. Не терпит он, чтоб того, кто превосходит его, чтили и в отсутствие его, — и славу трудов его представляет обыкновенно ничего не значащею.

26. Поношение для славлюбивого — жесточайшая рана, и не может он избежать ненависти к поносителю.

27. Славлюбивый — в рабстве у жестокой госпожи и перепродается многим деспотам — превозношению, зависти, ревности и всем толпам духов; а кто духа честолюбия поражает смирением, тот прогоняет целый полк демонов.

28. Кто по смирению делает себя рабом всякого, тот уподобляется смирившему Себя и приявшему зрак раба (см.: Флп. 2, 7).

29. Если себя самого меряешь малою мерою, то не будешь меряться с другими.

30. Кто слезами обнаруживает душевную немощь, тот не будет высоко думать о трудах своих.

31. Демоны нередко наводят на смиренномудрых унижение и поношения, чтоб, не стерпя незаслуженного презрения, оставили они смиренномудрие; но кто в смирении мужественно переносит бесчестие, тот сим самым возносится паче на высотулюбодрия.

32. Изгони изнутри даже и мысль о похвале человеческой, чтоб чрез то отразить любопоказательный помысл тщеславия еще прежде порождения его.

33. Когда, противоборствуя причинам страстей, препобедишь их, не дозволяй величать тебя лукавому помыслу, чтоб, поверив ему, не впасть тебе в прелесть; но старайся лучше увидеть недостатки в том, над чем потрудился, чтоб преуспеяние твое не было украдено внутренними врагами.

34. Иные, быв восхвалены за преуспеяние, со временем вознерадели; от чего — и похвала мимоиде, и труды пропали.

35. Иные, ожестев от надмения своими делами, возмечтали о себе как о великих; между тем совесть более и более оструплялась, болезнь хвалолюбия усиливалась, и помыслы, отвратив взор души от ее язв, под прикрытием похвал расхитили все труды их.

36. Когда приносишь усердное покаяние в грехах, тогда демоны, возвеличивая твои покаянные подвиги, умаляют грехи и нередко прикрывают их забвением или наводят на мысль, что они прощены, чтоб, ослабив труды, не почитал ты более нужным горько оплакивать свои падения.

37. Самое острое оружие у змия (древняго) есть тщеславие, побивающее плоды всех трудов наших. Но кто устроит предварительно противоположный ему маневр тайного доброделания, тот близок к тому, чтобы снести голову с самого диавола.

38. Ароматы подвижнических трудов своих скрывай под печатью молчания, чтоб, быв выставлены наружу языком, не были они расхищены славою.

39. Скрывай язык свой в деятельном прохождении подвижничества (т. е. вместо языка пусть говорят подвиги); ибо в таком случае и молча будешь иметь свидетелями о жизни твоей достойных веры сожителей своих — труды. О ком свидетельствуют какие-либо наличные труды, тому нет нужды свидетельствовать о себе языком своим.

40. Иные, сложив с себя тяготу трудов, леньность свою стараются прикрыть делами прошлого времени, неуверенно и неубедительно представляя, как очевидных свидетелей, дела, не находящиеся на лицо.

41. Как скрываешь от людей грехи свои, так скрывай от них и труды свои. Ты стыдишься открывать о срамных делах своих, чтоб не подвергнуться поношению и унижению, — что полезно было бы для души твоей. Бойся показывать и труды свои, чтобы грех славолубия не принес пагубы душе твоей. Если одному Богу открываешь постыдные падения, то не открывай людям своих противоборствий оным, чтоб не сочли их увенчанием победы.

42. Некоторые, ославившись в народе дурным поведением, облакаются в жизнь

честную не для того, чтобы греховные падения свои оплакивать в подвижнических трудах, но чтоб заглушить укоризненную о себе молву. Но если кто для одного имени только касается дел благочестия, то он работает не Богу, а людям.

43. Отличающиеся в подвижнической жизни бледностью лица да отрывают от себя людскую похвалу прежде, чем она придет, — т. е. когда, еще до встречи с людьми, враг влагает помысл хвалолюбивый.

44. Когда проведешь много времени, воздерживаясь от вина, ея и прочих излишеств, тогда помыслы с похвалою, высчитывая время, станут внушать тебе мысль ослабить труды ради тела. Сим злонамеренным вычислителям говори напротив все, что может служить к ниспровержению их умысла. Так, один из братий, восхваляемый внутренними помыслами за труды свои в борьбе против демонов, говорил словами псалма: *да возвратятся абие стыдящися глаголющии ми: благоже, благоже* (Пс. 69, 4).

45. Не наряжайся в красивые одежды, чтобы явственнейше не облечься тебе в демона тщеславия; ибо не лепота одежд

указывает, что ты носишь одежду добродетелей, но подвижнические труды, как золотые украшения, свидетельствуют о лепоте одеяния души твоей.

46. Кто, после опытов деятельной и созерцательной жизни, намащует неопытных искусством различать помыслы, тому надлежит смотреть, чтоб не проскользнуло хвастовство таким знанием и желание выставить его на показ для славы.

47. Безжалостнейше к себе трудящийся в несении телесных подвигов не для похвалы пусть преутруждает себя и славою пусть не превозносится. Иначе демоны, надмя душу его сими трудами и славою возбуждая усилить еще более безжалостность к себе, увлекут его принять еще большие подвиги, чтоб он еще более превознесся. С сею целью они с иным ведут такую внутри посредством помыслов беседу: как такой-то подвизался, не щадя себя, и такое приобрел себе великое имя, так что о нем говорят и по смерти его; так и ты взойди на самую высоту подвизания, чтобы стяжать себе славу и чтоб имя твое сделалось великим и по смерти твоей произносилось с великой похвалою.

48. Иного в мечтах возводят они на кафедру учителя и представляют, будто он говорит слово и будто молва отдает ему первенство пред всеми, кои, при подвижнических трудах, прославились и ведением многосторонним. Через это они возбуждают в нем не только соревнование, но и зависть ко всем, которых преуспеяния прославляются и которых как деяния достойны удивления, так и многознание изумительно.

49. Бывает, что они усыпляют разжжение плоти и выводят извнутри нечистые помыслы с хитрым намерением, чтоб подвизающийся подумал, что строгостью своей жизни совсем победил дух блуда, что сердце его очистилось и стало близко к святости святых и он возшел на самый верх святости. Такого нередко заставляют они рассказывать самому себе о своих подвигах: я сделал то и то, так и так подвизался и истомлял себя, — не давая ему однако прибавлять при сем: *не я, но благодать, яже во мне* (1 Кор. 15, 10). Не позволяют же они ему исповедовать Бога помощником в том, чем хвалиться его заставляют, чтобы он, яко собственными трудами совершивший все в своих подвигах, и хвалу за то всю присваивал

себе и чрез такое невоздавание славы Богу погряз в глубину богохульства, несмысленно величая себя самопомощным.

50. Когда в сердце слышатся такие славолюбивые помыслы и оно не противоборствует тому, тогда инок (и особенно уединенник) не далеко бывает от повреждения ума; тогда рассудок бывает в опасности расстроиться или от снов бесовских, принимаемых с верою, или от призраков во время бдений, или от явления бесов в каких-либо светлых видах. Ибо сам сатана для обольщения нашего преобразуется иногда в Ангела света; причем обещает, что, если пад поклонисься ему, то даст тебе такое и такое дарование или восхитит тебя, как нового Илию, на Небо, на огненной колеснице. И бывало, что принимавшие это с верою уклонялись от истины и впадали в умоповреждение. Во избежание сего, помня, чего ради с любовью подъемлются подвижнические труды, всяким хранением блюди свое сердце, чтоб, внимая одним внешним подвигам, не быть тебе коварно уловлену внутри (несмысленным) самовозношением.

51. Тем, которые упражняются в делании добрых дел, Господь увещательно говорит:

егда молишися, вниди в клеть твою, и затвори двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне, (Мф. 6, 6), и еще: егда сотвориши милостыню, не воструби пред тобою (Мф. 6, 2), повелевая избегать делания чего-либо доброго напоказ, как дела вредного. А пророк, говоря, что собираяй мзды собра во влагалище дыраво (Агг. 1, 6), показывает, что развращенной целью славолюбия уничтожается всякий труд (подвизания и доброделания) — как сквозь дырявое влагалище, проходя чрез сердце, не огражденное смиренным мудрованием. Сердце смиренномудрое воистину есть сокровищница и отовсюду сильно укрепленное ограждение, идеже ни червь, ни тля тлит, идеже татие не подкапывают, ни крадут (Мф. 6, 20). Под червем разумеется рождающееся внутри самомнение, уничтожающее что в людях бывает доброго; а под татями — извне привходящие похвалы, которые, возбуждая неразумную кичливость, поспешно расхищают духовные сокровища, долгим трудом в доброделании собранные. Ибо как червь поедает вещество, из которого получил бытие, и тати, подкапывая стену, уносят тщанием накопленное (добро вещественное), так

помысл, подвигнутый добрыми делами к превозношению, уничтожает цену сих самых дел, а похвалы людские, подкапывая легкие умы, (вторгаются внутрь) и ничего доброго не оставляют там, — что туда внесено было со вне законным путем (дверьми), а оттуда извергается ими дырою ушей. Но никто да не попустит этой страсти одолеть себя настолько, чтоб, в усыплении от сладкоречия славолюбия, потерпеть совершенную утрату всего, стяженного усиленными трудами, да трезвится же всяк и бодрствует, чтоб истребить наветников, когда они еще только подкапывают, прежде нанесения ими вреда, поразив их в самый момент подкапывания, прежде чем воссияет солнце, — и мысль станет делом.

Святой Ефрем Сирин*

О борьбе с тщеславием

260. Разумей, монах, что говорю: да не будет у нас с тобою вне — благоговение, а в келье — беспечная распущенность, чтоб не быть подобными *гробам повапленным* (Мф. 23, 27). Ибо на всяком месте один и тот же Бог, Коему слава вовеки! Аминь.

261. Монах, который хвалится своею крепостью, первый безумец; стыд и укоризна монаху — хвалиться собственной своею силою: *хваляйся о Господе да хвалится* (1 Кор. 1, 31).

262. Хочешь ли приобрести доброе имя? *В кротости дела твоя препровождай* (Сир. 3, 17).

* Добротолюбие. Т. 2. С. 420–422. Нумерация и орфография сохранены, как в оригинале.

263. Это еще не добродетель — быть обеспечену и не чувствовать сего; но вот добродетель — чувствовать сие и переносить ради благочестия. Ибо сказано: *поносим ленивый не усрамляется* (Притч. 20, 4).

264. Славолюбие — душевный недуг, лужавая страсть.

265. Написано: *да хвалит тя искренний, а не твоя уста, — чуждый, а не твои устне* (Притч. 27, 2). И еще: *искушение сребру и злату раздежение*: и человек *искушается усты хвалящих его* (Притч. 27, 21).

266. Всем воздавай честь ради Господа, не требуя чести себе, и обретешь благодать у Господа.

267. Никогда да не приводит тебя в удивление человекоугодник, старающийся угождать многим, но не для Господа.

268. Втайне, возлюбленный, исполняй заповеди Господни, и Господь воздаст тебе явно.

269. Если видишь, что человек на земле достиг великого достоинства, не дивись сему; но дивись тому, кто возненавидел земную славу.

270. Смотри, чтоб, желая себе излишней чести, не навлечь тебе на себя бесчестия,

в подлинном смысле честь человеку — делать все по Богу: великое же бесчестие — преступать заповеди.

271. Не старайся показывать себя искусным во всяком деле, чтоб не впасть тебе в тщеславие, которое приводит к славолюбии, гневу и печали. Более всего старайся сделать себя простым и во всем ровным.

272. Не хвались, величаясь красноречием, но возвещай лучше учение из опыта людей простых и некнижных, чтобы стать тебе учеником Христовых апостолов; а хвалиться внешнею мудростью запрещено, особенно христианам. *Хваляйся же о Господе да хвалится* (2 Кор. 10, 17).

273. Которые из человекоугодия упражняются в добродетели, у тех основание спасения положено не на камне, а на песке; почему, как скоро пойдет дождь, потекут реки и подуют ветры (искушения), падают они от помыслов. Они, если не падают, а живут, как должно, надмеваются великой гордостью; а когда падают, предаются бесполезному отчаянию.

274. *Не хваляй себе сей искусен* (2 Кор. 10, 18). А ты прежде испытай дела свои, действительно ли проводил жизнь достожджно,

как величаешь себя, — победил ли вожделение, возлюбил ли нищету, возненавидел ли пересуды, отложил ли любовь к тщеславию, возненавидел ли похоть, возгнушался ли сластолюбием, точно ли никому не делал зла, одолел ли страсти, точно ли оскорбляемый не гневался и, слыша себе похвалы, не превозносился, возлюбил ли Господа всею силою и ближнего, как самого себя? Если же не соблюли мы сего, то для чего велеречим о себе? Об этом надобно плакать пред благостью Господа, чтобы исцелил нас от окаменения сердца и сделал сильными проводить достодолжное житие.

275. Ничего не должно делать напоказ людям, но во всем надобно поступать от чистого сердца, потому что Бог знает сокровенное и тайное, и от Него одного надеемся получить воздаяние.

276. Человек тщеславный, будучи скуден достоянием, если и примет на себя имя царя, не будет еще царем: так не подвижник еще монах, который тайно ест, а за братской трапезой лицемерно выдает себя постником и воздержным. Он готовит паутинную ткань — и идет не правым путем святых, но путем человекоугодников.

Святой Иоанн Лествичник*

Борьба с тщеславием

1. Тщеславие есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, муравей на гумне жизни, который, хотя мал, однако всегда готов похищать труды и плоды наших подвигов.

2. Тщеславие ко всему льнет: тщеславлюсь, когда пощусь, но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым; побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды; но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь; стану говорить, побеждаюсь тщеславием, замолчу, опять им же побежден бываю. Как ни брось сей трезубец, все он встанет вверх острием.

* Добротолюбие. Т. 2. С. 540–544.

3. Тщеславный человек есть идолослужитель. Он думает, что почитает Бога, но в самом деле угождает не Богу, а людям.

4. Всякий человек, который любит себя выказывать, тщеславен. Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна; ибо он то и другое делает для похвалы человеческой.

5. Тщеславный подвижник сам себе делает двойную обиду, потому что тело свое изнуряет, а награды не получает.

6. Господь часто скрывает от очей наших те добродетели, которые мы приобрели; а человек, хвалящий нас, или, лучше сказать, льстящий нам, похвалою отверзает нам очи, а как скоро отверзлись они, богатство добродетели исчезает (с глаз съедаемо бывает).

7. Лстец есть слуга бесов, руководитель гордости, истребитель умиления, губитель добродетелей, отводитель от истинного пути. *Блажащии вас льстят вы, и стопы ног ваших возмущают*, — говорит пророк (Ис. 3, 12).

8. Видал я плачущих, которые, будучи похвалены, за похвалу воспылали гневом, и, как то случается в торговле, променяли одну страсть на другую.

9. Когда ближний, или и друг, укорит тебя в отсутствии или присутствии твоём, тогда покажи любовь — похвали его.

10. Великое дело — отвергнуть от души похвалу человеческую, но большее — отвратить от себя похвалу бесовскую.

11. Не тот показывает смиренномудрие, кто оуждает сам себя (ибо кто не стерпит поношения от себя самого?), но тот, кто, будучи укорен другим человеком, не уменьшает к нему любви.

12. Когда бес тщеславия видит, что подвижник приобрел хотя малое умирение сердца, тотчас побуждает его идти в мир, говоря: «Иди на спасение погибающих душ».

13. Тщеславие побуждает легкомысленных при посторонних облекаться в смирение и в поступках своих, в лице и голосе показывать благоговение; за трапезою оно заставляет заметно воздерживаться; на псалмопении ленивых делает ревностными и безголосых — доброгласными.

14. Тщеславие предпочитаемых делает гордыми и в презираемых посеивает памятозлобие.

15. Тщеславие весьма удобно прививается к естественным дарованиям и чрез них нередко низвергает в пагубу несчастных рабов своих.

16. Однажды видел я, как бес тщеславия прогнал брата своего, беса ярости. Один брат рассердился на другого; но пришли миряне, и он вдруг стих, перепродав себя тщеславию; ибо не мог зараз работать обоим сим господам.

17. Кто сделался рабом тщеславия, тот ведет двойную жизнь; одну — по наружности, а другую — по образу мыслей и чувств, одну — наедине с собою, а другую — на людях.

18. Предвкусивший небесную славу естественно презирает всякую земную славу; и я подивился бы, если бы кто, не вкусив первой, совершенно презирал последнюю.

19. Видел я, как иные начинали духовное делание по тщеславию; но потом, переменяв намерение в делании, предосудительное начало увенчали похвальным концом.

20. Кто возносится естественными дарованиями, как то: остроумием, понятливостью, искусством в чтении и произношении, быстротою ума и другими подобными

способностями, без труда нами получаемыми, тот никогда не получит вышеестественных благ, ибо *неверный в малом и во многом неверен будет* по своему тщеславию (Лк. 16, 10).

21. Кто просит у Бога даров за труды, тот на опасном основании утверждает; а кто, напротив, смотрит на себя как на всегдашнего должника пред Богом, тот, сверх чаяния своего, вдруг увидит себя обогащенным небесным богатством.

22. Не слушай велятеля сего, когда он научает тебя объявлять свои добродетели на пользу слышащих; *какая бо польза человеку, если он весь мир будет пользоваться, душу же свою отщетит* (Мф. 16, 26)? Ничто не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав и такое же слово. Таким образом мы и других будем побуждать, чтоб они не возносились; а что иное может быть полезнее сего?

23. Похвалы возвышают и надмевают душу; когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, возводит до Небес и низводит до бездн.

24. Скверное тщеславие научает нас принимать образ добродетели, которой нет у нас,

приводя к обольщению окружающих и извращая слова Спасителя: *так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая дела ваша* (Мф. 5, 16).

25. Не скрывай стыда своего с тою мыслью, чтобы не подавать ближнему повода к преткновению; хотя, может быть, и не во всяком случае полезно будет употреблять сей пластырь, но смотря по особенным свойствам грехов.

26. Когда хвалители наши или, лучше сказать, льстецы начнут хвалить нас, тогда поспешим вспомнить множество грехов наших (и Суд Божий, не сходный с человеческим) — и увидим, что мы недостойны того, что говорят или делают в честь нам.

27. Простые сердцем не очень подвержены отравлению сим ядом; ибо тщеславие есть погубление простоты и притворное жительство.

28. Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и взлетает на высоту; так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и завершительницу.

29. Начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление бесчестия,

середина — отсечение всех мысленных приращений тщеславия; а конец (если только есть конец в бездне) — без смущения при других делать то, что служит к бесчестию.

30. Утаивай благородство свое и не величайся своею знатностью, чтоб не быть тебе по словам в одном, а по делам в другом устроении.

31. Видел я неискусного ученика, который в присутствии некоторых людей хвалился добродетелями своего учителя и, думая присвоить себе славу от чужой пшеницы, приобрел вместо того одно бесчестие, когда все сказали ему: «Как же доброе дерево произвело бесплодную ветвь?».

32. Тщеславие любит торжественно являться на седалище многословия; молчание же уст упраздняет тщеславие.

33. Покоряющиеся бесу тщеславия подвергаются безвременным движениям похоти, когда они, освободившись временно от блудных помыслов, начинают много о себе думать. Восставшие за это блудные движения приводят его к узрению кроющегося в глубине их сердца тщеславия и научают прочее не приписывать бывающей иногда чистоты сердца собственному тщанию и усилию, следуя

показанию апостола: *что имаши, егоже неси приял* (1 Кор. 4, 7) туне, или непосредственно от Бога, или помощью других и посредством их молитвы.

34. Молчание и безмолвие — враги тщеславия; но если ты находишься в общежитии, то переноси бесчестия.

35. Если крайнее тщеславие есть, когда человек, не видя при себе никого, кто бы его хвалил, и наедине обнаруживает тщеславные поступки, то признак совершенного нетщеславия есть, чтоб и в присутствии других не окрадываться тщеславною мыслью.

Преподобный Нил Сорский*

Против страсти тщеславия

91. Вопрос. Какое наставление дает преподобный Нил, охраняя братию от духа тщеславия?

Ответ. Много, говорит, бдительности нужно нам против духа тщеславия. Ибо он весьма сокровенно, со всяким ухищрением, вкрадывается в наши намерения и действия, преграждает иноку путь к истинному преспеянию и силится исказить и извратить дело наше так, чтобы оно было не для Бога, но из тщеславия и человекоугодия. Посему надлежит нам во всякое время строго испытывать себя и упражнения свои внешния и мысленныя: для Бога и для пользы ли

* *Нил Сорский, прп.* Творения. Изд-во «Кириллов», 2008. С. 68–69.

душевной оне совершаются? Надлежит всячески избегать похвал человеческих и, памятуя сказанное святым Давидом: *Господь разсыпает кости человекоугодников* (Пс. 52, 6), отравать всякий помысл льстивый и внушающий что-либо сделать по человекоугодию. Таким образом твердо да направляем все ко благоугождению Богу.

92. Вопрос. А тому, кто, при всем желании своем так вести себя, побеждается иногда, против воли своей, помыслом тщеславия, что советует преподобный?

Ответ: Да исповедает он помысл свой в молитве ко Господу и да преложит его на противное, смиряя и уничижая себя: Сердцеведец, пред Которым открыта душа наша и всякое в ней движение, простит и не вменит нам его.

93. Вопрос. Как достигать победы над тщеславными помыслами?

Ответ. Для сего так да поступаем, говорит преподобный Нил: если когда-либо восчувствуем побуждение чем-либо потщеславиться, то воспомянем свои слезы, если имеем их, и благоговейное предстояние в молитве нашей пред Богом. А если нет у нас

ни того ни другого, **представим себе исход наш из сего мира**, — и безстудное тщеславие чрез сие отженется. Ежели же и за сим оно гнездится в нас, **убоимся, по крайней мере, того срама, который последует тщеславному**: «Ибо возносяйся еще здесь, прежде будущего века, не избежит унижения», — говорит святой Иоанн Лествичник.

94. Вопрос. Какую предосторожность внушает преподобный Нил на тот случай, когда кто-либо похваляет нас?

Ответ. Когда кто-либо станет нас хвалить и своею похвалою, при содействии врага невидимого и собственного нашего ослепленного сердца, породит в нас мысль, что мы достойны чести и повышения и способны к занятию высоких мест, то **тотчас вспомняем себе множество и тяжесть согрешений наших, или и одно из них, наиболее гнусное, вообразим в уме нашем и скажем себе самим: суди, достойны ли похвалы и чести так поступавшие?** И тогда вдруг увидим себя совершенно не стоящими никакой и ничьей похвалы, и внушения бесовския отразятся и более смущать нас не станут, — сказал Никита Стифат.

95. Вопрос. А ежели нет у кого, по милости Божией, тяжких грехов; но как смирить ему себя в случае приражения духа тщеславия?

Ответ. Ежели нет в тебе, говорит преподобный, больших и студных грехов, то помысли о том, коль широка, совершенна и многообъемлюща всякая заповедь Господня, и тогда узришь, что все твое подвижничество — как капля в сравнении с обширным морем. Так трезвясь и любомуудрствуя, мы избегнем сетей тщеславия. **Ежели же не остережемся, и беспечно будем поддаваться тщеславным помыслам, то, укоренясь, они породят в нас презорство и гордыню, которая есть и начало и конец всякому злу.**

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

О человеческой славе*

Подобно сребролюбию и корыстолюбию, тщеславие уничтожает веру в сердце человеческом; подобно им, оно делает сердце человека не способным для веры во Христа, для исповедания Христа. *Како вы можете веровати, — говорил Господь современным ему представителям иудейского народа, — славу друг от друга приемлюще; и славы яже от единого Бога не ищите* (Ин. 5, 44). Многие из важнейших иудеев уверовали в Господа, но, свидетельствует евангелист, *фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут: возлюбиша бо паче славу человеческую, неже славу Божию* (Ин. 12, 42–43).

* *Игнатий (Брянчанинов)*, свт. Творения. Т. 5. Гл. 39.

Иудеи сделали постановление, которым воспрещалось участвовать в собраниях синагоги всякому, исповедующему Богочеловека обетованным Мессиею (см.: Ин. 9, 22). Тщеславие питается похвалою человеческою и преимуществами, изобретаемыми плотским мудрованием и возникающими из нашего падения. Оно питается богатством, знатностью рода, громкими именами, которыми увенчиваются служение и угодливость миру, и прочими суетными почестями. По такому свойству своему слава земная и человеческая прямо противоположна славе Божией. Начала славы человеческой и пути к ней совсем другие, нежели начала славы Божией и пути к достижению ее. Начала тщеславия и славолюбия основываются на ложных понятиях о мнении и силе человеческих, суетных, кратковременных, переменчивых, ничтожных. Путь искателя славы человеческой — постоянное и разнообразное человекоугодие. Правильно или неправильно, законно или незаконно это человекоугодие, до того дела нет искателям человеческой славы, лишь бы оно достигало своей цели. Начало вожделения славы Божией и стремления к ней основываются

на живой вере во всемогущество Божие и в неизреченную милость Его к падшему человеку. Падший человек посредством покаяния и исполнения евангельских заповедей может примириться с Богом, стяжать у Бога, выразимся так для ясности, благое о себе мнение, как сказано в Писании, от лица Божия человеку, которого дела оказались угодными Богу: *Добре, рабе благий и верный, о мале Ми был еси верен, над многими тя поставлю, вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 23). Сообразно начальной причине своей, деятельность человека, желающего стяжать славу Божию, заключается в тщательном и постоянном богоугождении, или в последовании Господу: с крестом своим на раменах, в угождении ближним, допускаемом и устанавливаемом евангельскими заповедями. Такое угождение отнюдь не удовлетворяет и даже приводит в негодование сынов мира, которые ищут и требуют неограниченного угождения страстям своим и своему самообольщению, за что и награждают земною славою человекоугодника, враждебного Богу и истинному благу ближних. *Аще кто Мне служит, — сказал Господь, — Мне да последует, и идеже есмь*

Аз, ты и слуга Мой будет: и аще кто Мне служит, почитит его Отец Мой (Ин. 12, 26). Между прочими нравственными правилами Богочеловека, чертами Его всесвятого характера находится отвержение славы человеческой. *Славы от человек не приемлю*, — сказал Господь о Себе (Ин. 5, 41). Хотя Он — Царь царей, но Царство Его *несть от Мира сего* (Ин. 18, 36). Когда народ хотел провозгласить Его царем, то Он удалился в пустынную гору, научая и нас, по объяснению блаженного Феофилакта Болгарского, убегать почестей и славы (см.: Ин. 6, 15). Когда во время соборования после Тайной вечери ученики сказали Господу: *Ныне вемы, яко веси вся, и не требуеши, да кто Тя вопрошает: о сем веруем, яко от Бога изшел еси*, — тогда Господь не выразил никакого сочувствия к этим словам, заключающим в себе похвалу человеческую и одобрительное мнение человеческое. Напротив того, ведая близкое малодушие учеников и научая необновленного человека не уповать на свое падшее естество, способное к неожиданной, внезапной переменчивости, Он возразил им: *Ныне ли веруете? Се грядет час, и ныне прииде, да разыдется*

кийждо во своя, и Мене оставите единого (Ин. 16, 30–32). Христос, принявший на себя человечество, страданиями и крестом взошел, по человечеству, во славу Свою (см.: Лк. 24, 26, 46), которая по Божеству всегда была Его славою (см.: Ин. 17, 5). Мы должны последовать Христу: исполнением заповедей и терпением всех попускаемых нам скорбей соделаться причастниками славы Христовой в сем и будущем веке. Христос Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретесе якоже человек, смирил Себе, послушлив быв до смерти, смерти же крестныя. Тем же и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякого имене. Да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних: и всяк язык исповестъ, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца (Флп. 2, 6–11); так и мы должны смириться извне и внутри себя, чтоб соделаться причастниками славы Христовой в сем и Будущем веке. Залогии славы, даруемые Богочеловеком последователю Его во время земного странствования, состоят в различных дарах Святого Духа; в Будущем веке Божественная слава обьмет последова-

телей и учеников Христовых и извне, и внутри в такой полноте и в таком величии, каких ум человеческий представить себе не может (см.: 1 Кор. 2, 9). По этой причине преподобные отцы наши, святые иноки, старались избегать, как смертоносного яда, всего, что приводит к тщеславию, доставляет человеческую славу. Самый Божественный Промысл, как это со всею ясностью можно усмотреть из жизнеописаний угодников Божиих, не попускает избранным Божиим во время их земного странствования пребывать в отраде, в постоянном земном благополучии и в земной славе. Земное странствование их всегда преисполнено скорбей вольных и невольных. Как сладкая пища, постоянно употребляемая, повреждает желудок, так слава человеческая, нерастворенная скорбями, повреждает душу. Как от постоянной ясной погоды, непрерываемой дождями, увядают и сохнут хлеб и травы, в плодах заводятся черви, так от постоянного земного счастья слабеют и уничтожаются в человеке добрые качества, зарождаются в его сердце самомнение, гордыня и блудные вожеления. Святой Исаак Сирский сказал: «Едва ли найдется

человек, который мог бы понести честь, а может быть, и вовсе не найдется такого: это происходит от способности скоро подвергаться изменениям»^[1]. Способность скоро изменяться, доказанная опытами^[2], служит причиною, что Бог, уготовавший рабам Своим вечную, непременяющуюся честь и славу на Небеси, не благоволит, чтоб они в сем непостоянном и превратном мире были почитаемы постоянно суетным и временным почитанием, как заметил блаженный Симеон Метафраст в жизнеописании великомученика Евстафия Плакиды^[3]. Те из святых мужей, которым Бог, сообразно их значительным естественным способностям и духовному преуспеянию, предоставил высокое служение в Церкви, подвергались особенным гонениям, бесчестиям, поруганиям, озлоблениям, страданиям: в этом удостоверяют жизнеописания и Афанасия Великого, и Григория Богослова, и Василия Великого, и Иоанна Златоустого, и других светильников Церкви. Попускаемые им напасти предохраняли их от душевного повреждения, которое легко могло бы появиться от величия сана и почитания человеческого^[4]. «Прилежно внимай

себе, — сказал преподобный Исаия Отшельник, — чтоб тебе удаляться желания власти, чести, славы и похвалы как язвы, смерти и гибели душевной, как вечной муки»^[5]. Если посмотреть внимательно на себя и на человечество, то невозможно не убедиться в справедливости совета, преподанного святым отшельником, невозможно не увидеть, что стремление к славе человеческой и к человеческим почестям сводит инока с тесного спасительного пути, проложенного Богочеловеком и пройденного всеми последователями Его. Мало этого! Самое учение о тесном и скорбном пути делается для сочувствующих человеческой славе странным, диким, безрассудным; они насмеваются над ним и над возвещающими его, как насмехались фарисеи, будучи миролюбцами, над учением Господа о самоотвержении. Но Господь дал это учение как необходимое врачевство и пособие в стране изгнания и самообольщения для освобождения нас от лжи, от пленивших и пленяющих нас посредством лжи (Лк. 16, 14). Нет иного ключа, который бы отверзал врата в Царство Божие, кроме креста Христова. Ключ этот подается десницею Божией тем,

которые произволяют войти в Царство Божие, и они сами стараются приобрести его, о приобретенном радуются и веселятся как о залоге вечного, неизреченного блаженства. Говорит преподобный Симеон Новый Богослов: «С несомненною верою в Бога отрешившийся мира и всего принадлежащего миру, верует, что Господь щедр и милостив, примет приступающих к Нему с покаянием, воздает почесть рабам Своим чрез бесчестье, обогащает их посредством нищеты, прославляет при посредстве досаждений и уничижений и соделывает их причастниками и наследниками Вечной жизни посредством смерти. Верующий спешит, как жаждущий елень, восходит сими ступенями к бессмертному и горнему началу, как по лестнице, по которой восходят и нисходят Ангелы, на вершине которой — человеколюбивый Бог, ожидающий от нас посильного подвига и тщания, не увеселяясь зрением труда нашего, но желая дать нам мзду, как заслуженную»^[6].

Возлюбленные братия! Будем убежать тщеславия и славолубия как отречения от Креста Христова. Отречение от Креста Христова есть вместе и отречение от Христа:

Иже не носит креста своего, и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик (Лк. 14, 27), сказал Господь. Падшие человеки! Мы не можем иначе познать и исповедать Христа с искренностью, деятельно, как с креста нашего, познав и исповедав наперед наше падение и необходимость крестного пути для достижения Неба и хранимого в нем Вечно-го блаженства. Будем убегать всех поводов к тщеславию и славе человеческой, как убежали их святые отцы, чтоб не утратить сочувствие к учению Христову, не соделаться гробами повапленными, **христианами по наружности, отступниками в сущности. Малая пылинка, попавшая в глаз, нарушает правильность зрения: ничтожное по видимости пристрастие лишает правильности разум, повреждает, изменяет образ мыслей подвижника.** Сильные духом и телом отцы боялись малейшего греха, малейшего уклонения от евангельского учения, тем более мы, немощные по духу и телу, должны страшиться греха, который имеет надежное пристанище и пособие в нашей немощи, который, входя в нас, принимает вид ничтожной мелочи, а вошедши, превращается

в страшное чудовище^[7]. Не без причины святые отцы наблюдали крайнюю простоту в одежде, в келейных потребностях, в монастырских зданиях, в строении и украшении самых храмов^[8]. **Мысль и сердце слабого человека сообразуются, что непонятно для неопытных и невнимательных, с его наружным положением.** Если на иноке блестящие одежды, если келия убрана тщательно, со вкусом и роскошью, если даже храмы монастыря великолепны, сияют золотом и серебром, снабжены богатою ризницею, то душа его непременно тщеславна, исполнена самомнения и самодовольства, чужда умиления и сознания своей греховности. **Упоенная тщеславным удовольствием, представляющимся ей духовною радостью, она пребывает в омрачении, самообольщении, ожесточении и мертвости как бы среди торжественного празднества.** Напротив того, когда одежда на иноке проста, когда он, подобно страннику, живет в келии как бы в шатре или куще, когда в этой куще имеется одно необходимое, когда храм Божий служит для него местом молитвенного исповедания и плача, не развлекающая и не восхищающая

его своим блеском, тогда душа его заимствует от наружной обстановки смирение, отделяется от всего вещественного, переносится мыслями и чувствованиями в предстоящую всем человекам неизбежную вечность; душа старается покаянием и исполнением евангельских заповедей благовременно приготовить себе в вечности прием благосклонный. В скромную келию, убранную просто, входит наравне с вельможею простолюдин; в келию, тщательно убранную, нет входа для простолюдина, могущего приходом своим нарушить отчетливость убранства в келии. В лице убогого простолюдина, часто богатого в вере, отвергается Христос (см.: Иак. 2, 1–6). Пагубно собственное тщеславие: тем пагубнее слава человеческая. Слава инока от чад мира и плотского мудрования есть признак, что этот инок — сосуд, отвергнутый Богом, так как, напротив того, поношения и гонения от людей составляют для инока верный признак избрания его Богом. То и другое засвидетельствовано Самим Господом: *Горе, — сказал Он, — егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их.* Напротив того,

блаженни будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло Сына Человеческого ради. Возрадуйтесь в той день и възиграйте: се бо мзда ваша многа на небеси. По сим бо творяху пророком отцы их (Лк. 6, 26, 22–23).

Последуем вышеприведенному совету святого отшельника! Если же по судьбам Божиим иноку придется носить тяжкое бремя земных санов и почестей, то да умолит он прилежными и слезными молитвами Бога, чтоб земное величие не имело влияния на образ его мыслей, не вселило в его душу гордыни, не доставило ему высокого ока на ближних, от чего предостерегал и предостерегает Господь учеников Своих: *Блюдите да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам: яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моею небесного. Прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго человека.* Он пролил за всех и каждого бесценную кровь Свою и тем установил для всех человеков одну, одинаковую, равную цену, одно равное значение (см.: Мф. 18, 10–11; 1 Кор. 6, 20).

^[1] Слово 1-е.

^[2] См., например, Алфавитный патерик, повесть о Евлогии Каменосечце.

^[3] Житие великомученика Евстафия Плакиды. Четьи-Минеи, 20 сентября.

^[4] См. о сем в 47-м слове святого Исаака Сирского.

^[5] Слово 28, на слова «Внемли себе».

^[6] Добротолубие. Ч. 1, гл. 93.

^[7] *Святой Исаак Сирский*. Слово 75.

^[8] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия и Иоанна Пророка, ответ 603, также Предание преподобного Нила Сорского и все прочие святые отцы подобного мнения.

Фарисей *

Братия! Присмотримся в Евангелии к нраву Господа Бога Спасителя нашего Иисуса Христа. Мы увидим, что **Он никогда не соблазняется на грешников, как бы их грехи ни были тяжки**. Также нет примера во всем Евангелии, чтоб святые апостолы

* *Игнатий (Брянчанинов)*, свт. Творения. Т. 1. Гл. 44.

соблазнились на кого-либо. Напротив того, фарисеи соблазняются непрестанно, соблазняются на Самого Всесовершенного, на вочеловечившегося Бога; соблазняются до того, что осуждают Его как преступника, предают смерти поносной; Спасителя распинают на Кресте посреди двух разбойников! Из этого естественно вытекает то заключение, что **наклонность соблазняться есть тяжкий недуг души**, есть признак фарисея. Должно тщательно смотреть за сердцем и умерщвлять в нем чувство соблазна на ближнего духовным рассуждением, почерпаемым в Евангелии.

Евангелие — Священная и Всесвятая книга! Как в чистых водах отпечатывается солнце, так в Евангелии изображен Христос. Желаящий узреть Христа да очистит ум и сердце покаянием! Он узрит в Евангелии Христа, истинного Бога, Спасителя падших человеков; узрит в Евангелии, какие свойства должен иметь ученик Иисуса, призванный научиться кротости и смирению у Самого Господа. В этих богоподражательных добродетелях он найдет блаженный покой душе своей.

Часть первая

Взошел некогда Господь в дом мытаря Матфея, претворяя мытаря в апостола, возлег воплощенный Бог за трапезу с грешниками. Фарисеи, увидев это, соблазнились. *Почто, — говорили они ученикам Иисуса, — почто с мытари и грешники Учитель ваш яст и пиет?* (Мф. 9, 11).

Скажите прежде, фарисеи, почему вы называете этих людей грешниками? Не ближе ли их назвать счастливыми и блаженными, Ангелами, Херувимами, потому что благоволил возлечь в их обществе Бог? Не лучше ли вам сказать: «И мы грешники! И нас прими, милосердый Иисус, к стопам Твоим. Этих грешников Ты, Сердцеведец и истинный Судия, предпочел нам, миновав нас, Ты возлег с ними. Видно, грехи наши пред Тобою тяжелее их грехов. С ними Ты возлежишь, — нам дозвошь хотя припасть к стопам Твоим».

Нет святой вони смирения в темных праведниках, богатых правдою падшего человеческого естества, правдою поддельною мира, правдою бесовскою. Они дерзко осуждают

Господа, осуждают принимаемых Им грешников, соделывающихся таким образом истинными праведниками, — отвергают Господа, говорят: *Учитель ваш*. Дают понять этим, что они не признают Его *Учителем своим*.

Ответ Господа — ответ на все начала сокровенного недуга фарисеев, на все состояние их души. Ответ этот заключает в себе страшное осуждение и отвержение от лица Божия всякой мнимой праведности человеческой, соединенной с осуждением ближнего. *Не требуют*, сказал Господь, *здравию врача, но болящих. Шедше научитесь, что есть, милости хочу, а не жертвы. Не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9, 12–13).

Однажды, в день субботний, шел Господь со святыми Своими учениками и апостолами между полей, засеянных хлебом. Ученики, почувствовавши голод, начали срывать колосья; стирая их руками, очищали зерна, которые употребляли в пищу. Фарисеи, увидев это, сказали Господу: *Се ученицы Твои творят, егуже недостойно творити в субботу* (Мф. 12, 2). Господь, упомянув о Давиде и священниках, из которых первый

нарушил обрядовый закон по случаю, а вторые по предписанию закона нарушают закон, опять повторяет фарисеям грозное замечание: *Аще бысте ведали, что есть: милости хочу, а не жертвы, николиже убо бысте осуждали неповинных* (Мф. 12, 7).

Чувство соблазна — какое придиричливое, какое злонамеренное! — притворяется с мелочною отчетливостью держаться форм закона, а сущность закона попирает. Фарисей мрачный и слепой! Услышь, что говорит тебе Господь: *Милости хочу*. Увидя недостаток ближнего, умилосердись над ближним твоим: это уд твой! Нemoшь, которую ты видишь сегодня в нем, завтра может сделаться твоею немощью. Ты соблазняешься единственно оттого, что ты горд и слеп! Ты исполняешь некоторые наружные правила закона и за это любишь себя; презираешь, осуждаешь ближних, в которых замечаешь нарушение некоторых мелочей, и не замечаешь исполнения великих, сокровенных добродетелей, возлюбленных Богу, незнакомых твоему надменному, жестокому сердцу. Ты не глядел в себя довольно; ты не увидел себя: только от этого

не признаешь себя грешником. От этого не сокрушилось твое сердце, не исполнилось покаяния и смирения, от этого ты не понял, что, наравне со всеми прочими человеками, нуждаешься в милости Божией, в спасении.

Страшно — не признать себя грешником! От непризнающего себя грешником отрекается Иисус: *не приидох*, говорит Он, *призвати праведные, но грешные на покаяние*. Какое блаженство признать себя грешником! Признавший себя грешником получает доступ к Иисусу. Какое блаженство — узреть грехи свои! Какое блаженство — смотреть в сердце свое! Кто засмотрится в сердце свое, тот забудет, что на земле находятся грешники, кроме его одного. Если он и взглянет когда на ближних, то все ему кажутся непорочными, прекрасными, как Ангелы. Глядя в себя, рассматривая свои греховные пятна, он убеждается, что для спасения его есть единое средство — милость Божия, что он раб неключимый, не только по нарушению, но и по недостаточному исполнению заповедей Божиих, по исполнению, более похожему на искажение, нежели на исполнение. **Нуждаясь сам в милости, он обильно изливает**

ее на ближних, имеет для них — одну милость. *Аще бысте ведали, что есть: милости хочу, а не жертвы, николиже убо бысте осуждали неповинных. Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 12, 7; 9, 13).

Милосердый Спаситель наш Господь Иисус Христос, не отвергавший кающихся мытарей и блудниц, не пренебрегал и фарисеями: Он пришел исцелить человека от всех его недугов, а между ими и от фарисейства, особенно неудобоисцелимого только потому, что эта болезнь признает и провозглашает себя цветущим здоровьем, отвергает врача и врачевание, сама хочет врачевать болезни других, употребляя для изъятия едва заметной порошок из нежного глаза удара тяжеловесными бревнами.

Некоторый фарисей пригласил Господа разделить с ним трапезу. *И вшед в дом фарисеев, возлеже* (Лк. 7, 36), повествует Евангелие о милосердом Господе. Похоже, что фарисей, хотя и имел усердие и некоторую веру к Господу, но, при принятии Его, дал место и расчету, какую степень приветствия оказать Гостю. Если б не было расчета,

основанного на сознании своих праведности и достоинства, что бы воспрепятствовало фарисею выбежать навстречу Божественному Посетителю, с трепетом пасть к святым стопам Его, постлать под ноги Его душу, сердце. Этого не было сделано; фарисей упустил блаженный случай почтить Спасителя как Спасителя. Упущенное похищает себе некоторая жена того города, известная грешница. Спешит она с сосудом благовонного мира в дом фарисея, входит в храмину, где была трапеза, начинает омыwać слезами ноги Спасителя и отирать их власами главы своей — лобызать ноги Спасителя и мазать их миром.

Не видит слепой фарисей добродетели, совершающейся пред его глазами, обличающей хладность, мертвость его сердца. Соблазн и осуждение движутся в душе его. Он помышляет: *Сей аще бы был пророк, видел бы, кто и какова жена прикасается Ему: яко грешница есть* (Лк. 7, 39). Почему ты умаляешь Бога, называя Его лишь пророком? Почему ты называешь грешницею ту, которая лучше, нежели ты, почитает Бога? Убойся, молкни: присутствует Создатель!

Ему принадлежит Суд над тварями Его; Ему — одинаково простить пятьсот и пятьдесят динариев греховного долга: Он всемогущ и богат бесконечно. Фарисей обыкновенно выпускает это из своего расчета! Видя у ближнего пятьсот динариев долга, он не обращает внимания на свои пятьдесят, даже не считает их долгом, между тем как определение Божественного Суда возвещает, что обоим им отдать нечем, что оба они равно нуждаются в прощении долга. *Не имущема же има воздати, обема отда* (Лк. 7, 42). Недостаток смирения, от которого недуг фарисейства крайне препятствует духовному преуспеянию. В то время как падшие в тяжкие грехи с горящею ревностью и в сокрушении духа приносят покаяние, забывают весь мир, видят непрестанно грех свой и оплакивают его пред Богом, — взоры фарисея двоятся. Грех его, показывающийся пред ним незначительным, не привлекает к себе всего внимания его. Он помнит, знает некоторые добрые дела свои и на них возлагает надежду. Он видит недостатки ближних; сравнивая их со своими, признает свои легкими, извинительными. Чем

более возрастает в глазах его собственная правда, тем более умалется оправдание благодатное, *туне* даруемое кающимся. **От этого ослабевает, истребляется чувство покаяния.** С умалением чувства покаяния затрудняется шествие к духовному преуспеянию; **с уничтожением чувства покаяния совращается человек с спасительного пути на путь самомнения и самообольщения.** Он делается чуждым святой любви к Богу и ближним. *Отпускаются греси ея мнози,* сказал Господь о блаженной грешнице, *яко возлюби много. А емуже мало оставляется, меньше любит* (Лк. 7, 47).

Зараженный недугом фарисейства лишается преуспеяния духовного. Жесткая почва его сердечной нивы, не приносит жатвы: для духовного плодоносия необходимо сердце, возделанное покаянием, смягченное, увлажненное умилением и слезами. Лишение преуспеяния — уже существенный ущерб! Но вред, происходящий от фарисейства, не ограничивается бесплодием души: смертоносная зараза фарисейством по большей части сопряжена с последствиями самыми губительными. **Фарисейство не только**

соделывает бесплодными для человека добрые дела его, но направляет их во зло душе его, к его осуждению пред Богом.

Изобразил это Господь в притче о *фарисее и мытаре* молившихся вместе во храме Божиим (см.: Лк. 18). Фарисей, смотря на себя, не находил причин к покаянию, к ощущению сердечного сокрушения; напротив того, он находил причины быть довольным собою, любоваться собою. Он видел в себе пост, подаяние милостыни; но не видел тех пороков, которые видел или думал видеть в других и которыми соблазнялся. Говорю: *думал видеть*, потому что у соблазна глаза велики; он видит и такие грехи в ближнем, которых вовсе в нем нет, которые для ближнего избрело его воображение, водимое лукавством. Фарисей, в самообольщении своем, приносит за свое душевное состояние хвалу Богу. Он скрывает свое превозношение, и оно скрывается от него под личиною благодарения Богу. При поверхностном взгляде на Закон ему казалось, что он — исполнитель Закона, благоугодный Богу. Он забыл, что заповедь Господня, по выражению Псалмопевца, *широка есть зело*, что пред Богом самое небо нечисто

(Иов 15, 15), что Бог не благоволит о жертвах ни даже о всесожжении, когда им не сопутствуют и не содействуют сокрушение и смирение духа (см.: Пс. 50), что Закон Божий надо насадить в самое сердце для достижения истинной, блаженной, духовной праведности (см.: Пс. 39, 9). **Явление этой праведности начинается в человеке с ощущения нищеты духа** (см.: Мф. 5, 3; Пс. 39, 9). **Тщеславный фарисей мнит благодарить, прославлять Бога:** *Боже, хвалу Тебе воздаю*, говорит он, *яко несм, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее* (Лк. 18, 11). Он исчисляет явные согрешения, которые могут быть видимы всеми; но о душевных страстях, о гордости, лукавстве, ненависти, зависти, лицемерии не говорит ни слова. А они-то и составляют фарисея! Они-то и омрачают, мертвят душу, соделывают ее неспособною к покаянию! Они-то уничтожают любовь к ближнему и рождают исполненный хлада, гордыни и ненависти соблазн! Тщеславный фарисей мнит благодарить Бога за свои добрые дела; но Бог отвращается от него; Бог произносит против него страшный приговор: *Всяк возносяйся смирится* (Лк. 18, 14).

Когда фарисейство усилится и созреет, овладеет душою, то плоды его — ужасны. Нет беззакония пред которым бы оно содрогнулось, на которое бы не решилось. Фарисеи осмелились похулить Святого Духа. Фарисеи осмелились назвать Сына Божия беснующимся. Фарисеи позволили себе утверждать, что вочеловечившийся Бог, пришедший на землю Спаситель, опасен для общественного благосостояния, для гражданского быта иудеев. И для чего все эти переплетенные вымыслы? Для того, чтоб под прикрытием наружной справедливости, под личиною охранения народности, законов, религии насытить ненасытимую злобу свою кровью, принести кровь в жертву зависти и тщеславию, чтоб совершить богоубийство. Фарисейство — страшный яд; фарисейство — ужасный душевный недуг.

Постараемся начертать изображение фарисея, заимствуя живопись из Евангелия, чтоб каждый, вглядываясь в это страшное, чудовищное изображение, мог тщательно храниться по заветанию Господа *от кваса фарисейска* (Мф. 16, 6): от образа мыслей, от правил, от настроения фарисеев.

Фарисей, довольствуясь исполнением наружных обрядов религии и совершением некоторых видимых добрых дел, не чуждых и язычникам, раболепно служит страстям, которые старается постоянно прикрывать, которых в значительной степени не видит в себе и не понимает, которые производят в нем совершенную слепоту по отношению к Богу и всему Божественному учению. **Познание, а потому и зрение в себе действия душевных страстей доставляется покаянием;** но фарисей для чувства покаяния недоступен. **Как может сокрушиться, умилиться, смириться сердце, удовлетворенное собою?** Неспособный к покаянию, он неспособен зреть света заповедей Божиих, просвещающих очи ума. Хотя он и занимается чтением Писания, хотя видит в нем эти заповеди, но в омрачении своем не останавливается на них: они ускользают от взоров его, и **он заменяет их своими умствованиями**, нелепыми, уродливыми. Что может быть страннее, несообразнее фарисейских умствований, упоминаемых в Евангелии! *Иже аще кленетя церковию, утверждали фарисеи, ничесоже есть: а иже*

кленется златом церковным, должен есть (Мф. 23, 16). Фарисей, оставляя исполнение заповедей Божиих, составляющих сущность Закона, **стремится к утонченному исполнению наружных мелочей**, хотя бы это было с очевидным нарушением заповедей. Святые Божии заповеди, в которых Жизнь Вечная, оставлены фарисеями без всякого внимания, совершенно забыты! *Одесятствуете, говорил им Господь, мятву, и копр, и тмин, и остависте вящшая закона, суд, милость и веру... Вожди слепии, оцеждающие комары, вельблуды же пожирающие* (Мф. 23, 23–24).

Самая скрытная из всех душевных страстей есть тщеславие. Эта страсть более всех других маскируется пред сердцем человеческим, доставляя ему удовольствие, часто принимаемое за утешение совести, за утешение Божественное, и на тщеславии-то заквашен фарисей. Он все делает для похвалы человеческой; он любит, чтоб и милостыня его, и пост его, и молитва его имели свидетелей. Он не может быть учеником Господа Иисуса, повелевающего последователям Своим пренебрегать славою человеческою, идти путем уничижения, лишений,

страданий. Крест Иисуса служит для фарисея соблазном. Ему нужен Мессия, похожий на Александра Македонского, или Наполеона I, с громкою славою завоевателя, с трофеями, с добычею! Мысль о славе Небесной, духовной, о славе Божией, вечной, о самой вечности, недоступна для души его, пресмыкающейся по земле, в земном прахе и тлении. Фарисей сребролюбив. Сердце его там, где его сокровище. Там вера его, там чувства его, там надежда, там любовь! **Устами, краем языка он исповедует Бога, а сердцем он отвергается Его.** Никогда он не ощущает присутствия Божия, не зрит Промысла Божия, не знает опытом, что значит страх Божий. Для сердца его нет Бога, нет и ближних. Он — весь земной, весь плотский, весь во власти страстей душевных, движется ими, управляется ими, влечется ко всякому беззаконию, живет и действует единственно для самолюбия. **В этой душе воздвигнут идол я.** Идолу курится непрерывный фимиам, закалаются непрерывные жертвы. Как может в этой душе соединиться служение всевятому Богу с служением мерзостному кумиру? **Эта душа в страшном запустении,**

в страшном мраке, в страшной мертвости. Это — вертеп темный, обитаемый одними лишь лютыми зверями или еще более лютыми разбойниками. Это — гроб, украшенный снаружи для чувственных глаз человеческих, так легко обманывающих, внутри исполненный мертвых костей, зловония, червей, всего нечистого, богоненавистного.

Фарисей, будучи чужд Бога, имеет нужду казаться пред людьми служителем Бога; будучи исполнен всех беззаконий, имеет нужду казаться пред людьми добродетельным; стремясь удовлетворить своим страстям, он имеет нужду доставить поступкам своим благовидность. **Для фарисея необходима личина.** Отнюдь не желая быть истинно благочестивым и добродетельным только желая считаться между людьми за такого, фарисей облачается в лицемерие. Все в нем — сочинение, все — вымысел! Дела, слова, **вся жизнь его — ложь непрестанная.** Сердце его, как темный ад, преисполнено всех страстей, всех пороков, непрерывного мучения. И это-то адское сердце дышит на ближнего бесчеловечным, убийственным чувством злобы и осуждения. Фарисей, заботящийся

казаться праведным пред человеками, по душе будучи чадо сатаны, уловляет из Закона Божия некоторые черты; украшает себя ими, чтоб неопытный глаз не узнал в нем врага Божия и, вверившись ему, как другу Божию, соделался его жертвою. Фарисей осуждает в ближних не зло, не порок, не нарушение Закона. Нет! Как может он осуждать зло, которого он друг и наперсник? **Стрелы его направлены на добродетель. Но, чтоб вернее были удары, он оклеветывает добродетель, приписывает ей зло, соблазняется на это зло и, по видимости поражая его, убивает ненавистного ему раба Христова.** Фарисей! Ты ведешь на казнь неповинного за преступление, которое ты сам для него вымыслил? Тебе принадлежит казнь, равно как и преступление! Неужели ободряет тебя то, что ученик Христов, подражая Христу, в молчании пьет чашу страданий, которую ты ему приготовил? Несчастный! Устрашись этого самого молчания великодушного и таинственного. Как ныне ради Иисуса молчит последователь Иисуса, так на Страшном, Всеобщем Суде возглаголет за него Иисус, обличит беззаконника, неузнанного людьми, и пошлет его

в муку вечную. Фарисеи вымыслили преступления для Самого Богочеловека; они устроили для Него казнь; они купили Его кровь; они притворились непонявшими Его.

Величайшее злодеяние на земле совершено фарисеями. Всегда были они верны, и доселе они верны своему адскому призыванию. **Они — главные враги и гонители истинной, христианской добродетели и благочестия, не останавливающиеся ни перед каким средством, ни перед каким преступлением.** Против них гремит определение Господа: *Змия, порождения ехиднова, како убежите от суда огня геенского? Сего ради, се, Аз пошлю к вам пророки и премудры и книжники: и от них убьете и распнете, и от них бьете на сонмищих ваших, и изженете от града во град: яко да придет на вы всяка кровь праведна, проливаемая на земли, от крове Авеля праведного до крове Захарии, сына Варахиина, егоже убисте между церковию и олтарем. Аминь глаголю вам, яко вся сия приидут на род сей* (Мф. 23, 33–36). Совершились слова Господа и доселе совершаются: зараженные квасом фарисейским доселе в непримиримой

вражде с истинными учениками Иисуса, гонят их то явно, то прикрываясь клеветою и соблазном; жадно, неумоимо ищут крови их. «Господи Иисусе Христе! Помогай рабам Твоим. Даруй им уразумевать Тебя и последовать Тебе, — Тебе, Который *яко овча на закление ведется, и яко Агнец пред стригущим его безгласен* (Ис. 53, 7). Даруй им чистым оком ума зреть Тебя и, страдая в блаженном молчании, как бы пред Твоими очами, обогащаться благодатными дарами, ощущать в себе миротворное веяние Святого Духа, Который возвещает рабу Твоему, что иначе невозможно быть Твоим, как причащаясь чаше страданий, которую Ты избрал в удел пребывания на земле Твоего и присных Твоих».

Часть вторая

Господь изрек в Святом Евангелии много заповедей, вводящих в человека мысли и чувствования, совершенно противоположные душепагубному, человеконенавистному фарисейству. Этими заповедями уничтожаются самые начала, на которых основывается и зиждется фарисейство. *Блудитесь,*

сказал Господь, вообще *от кваса фарисейска* (Мф. 16, 6). Один из евангелистов объясняет, что словом *квас фарисейский* Господь наименовал *учение* фарисеев (Мф. 16, 12), а другой евангелист понимает под этим словом *лицемерие* их (Лк. 12, 1). Это одно и то же: из лицемерного поведения возникают образ мыслей и учение фарисейские; наоборот, учение и образ мыслей фарисейские воспитывают лицемера, для которого никакой грех не страшен, никакая добродетель не уважательна; он надеется и прикрыть всякий грех, извинить, оправдать его и заменить всякую добродетель притворством.

Господь преподавал учениками Своим поведение прямое, искреннее, утвержденное на святой мудрости, а не оправдываемое лукавством, — поведение, из которого должна светить чистая добродетель и небесною красотою своею привлекать к себе взоры и сердца человеков. *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже есть на небесех* (Мф. 5, 16). Фарисеи, напротив того, **желали лишь казаться праведными, заботились только о том, чтоб выставить**

и выставлять себя слугами Бога пред обществом людей, пред массою, обыкновенно малоразборчивою. И ныне можно видеть, что фарисеи прибегают ко всевозможным изворотам, чтоб дела их, имеющие наружность добрых, блистали как можно ярче пред глазами людей, а злодеяния были извинены политической необходимостью, личиною правосудия и мудрой предусмотрительности, желанием предупредить допущением меньшего зла зло большее и прочими оправданиями, так обильно источающимися из сердца, наполненного лукавством. Господь воспрещает такое поведение в весьма сильных выражениях. *Вы есте, говорит Он, оправдающе себе пред человеки, Бог же весть сердца ваша, яко, еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом* (Лк. 16, 15). Фарисеи старались прикрывать оправданиями свои душевные страсти, действия, плоды их. Душевные страсти, под сению и прохладою оправданий, обыкновенно пускают глубокие корни в душу, соделываются дебелим дровом, обнимаемая ветвями всю деятельность человека, то есть проникая во все его мысли, во все

чувствования, во все действия. Святой Пимен Великий сказал: «Если греховной воле человека помогут оправдания, то он развращается и погибает»¹⁹¹.

При поведении, в котором не ищется бескорыстно добродетель пред очами Бога, но ищется слава добродетели пред очами людей, в их ничтожном мнении, непостоянном, переменчивом, человек не способен познать веры христианской, принять учение Христово, для чего нужно сердце, признающее себя грешным, исповедывающее грех свой. *Како вы можете веровати, говорит Спаситель фарисеям, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите?* (Ин. 5, 44). **Господь отъемлет в учениках Своих всякую пищу для тщеславия.** Он хочет, чтоб жертвенник сердечный был очищен от скверного кумира, от всего, что принадлежит к кумирслужению. **Господь заповедует совершать все добрые дела втайне.** И милостыня, по завещанию Его, да будет втайне! и пост да будет втайне! и молитва — в затворенной клетки! **Добрые дела наши должны быть сокрыты не только от человеков, но и от нас самих,** чтоб не только

человеки не растлевали душ наших похвалами, но и самое сердце наше не льстило нам и не прелюбодействовало, нарушая святой союз с святым смирением. *Да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. 6, 3). Этого мало! **Господь повелел отвергнуться себя в кратковременной земной жизни, попрасть все оправдания, всякую правду для правды Евангельской. В чем состоит правда Евангельская? В страданиях, в кресте!** Сюда призывает ученика Своего Спаситель! Здесь Он чинит разбор между зваными! Здесь отделяет плевелы от пшеницы! Здесь знаменует Своею печатью избранных! *Иже не примет креста своего, и вслед Мене грядет, несть Мене достоин. Обретый душу свою, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 10, 38–39).

Братия! У подножия Креста Христова сложим и погребем все понятия мира о чести, об обидах, об оскорблениях, об убытках, о несправедливости, о человеческих законах и о человеческом правосудии. Соделаемся юродивыми ради Христа! Подставим ланиты наши заплеваниям, заушениям! Наша честь земная, ветхая, да посыплется

прахом унижений! Не взглянем с пощадением и участием на тленное имущество наше: да расхищают и разносят его вихри, когда они будут попущены! Не пощадим плоти нашей в подвигах вольных и в страданиях невольных! **Научимся у Господа Иисуса Христа Его таинственному молчанию**, которое есть возвышеннейшее богословие и красноречие, удивляющее Ангелов! **Ему, Богу воплощенному, мир не воздал справедливости: нам ли искать ее от мира?** Отречемся от нее у подножия Креста Христа! **Не будем зверями, которые ловцов и других зверей, на них нападающих, угрызают и язвят!** Уподобимся Агнцу Божию здесь, на земле, во время кратковременного нашего странствования земного, — и Он соделает нас подобными Себе в вечности, где нашему блаженству не будет конца и меры. И здесь, в земном изгнании, к верному ученику Иисуса приходит Дух Святой, Утешитель, навевает на его душу несказанное блаженство Будущей жизни, которое отъемлет от него чувство страданий, которое вводит его в невидимое, святое наслаждение, не зависящее от человеков и обстоятельств. Пред

этим наслаждением все земные наслаждения, даже законные, — ничтожны.

Главный отличительный признак лицемера, первая стрела, пускаемая им на ближнего, есть соблазн и истекающее из соблазна осуждение ближнего. Соблазн в намеренных злодеях часто бывает притворным, сочиненным, как бы правильный предлог к злодеянию, заблаговременно приготавливающий и злодеяние и оправдание злодеяния; соблазн в зараженных еще ветхостью Адама, хотя бы они были благонамеренны и стремились к спасению, есть признак ветхости и недуг весьма важный и упорный. Недуг этот противодействует покаянию, от которого — очищение. **Соблазн есть болезненный взгляд на немощи ближнего, при котором эти немощи возрастают до необъятной, уродливой величины.** Соблазн есть исчадие самолюбия, вселяющееся в душу, чуждую любви к ближнему и правильной любви к себе. Господь уподобил этот недуг бревну, в сравнении с которым всякое явное согрешение ближнего есть только сучец. *Не судите*, сказал Господь, *да не судими будете. Им же бо судом судите, судят вам: и в нюже*

меру мерите возмерится вам... Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего: и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего (Мф. 7, 1–5). **Должно с насилием отвлекать себя от осуждения ближних, ограждать от него страхом Божиим и смирением.** Чтоб ослабить и, с Божией помощью, совершенно искоренить из сердца своего соблазн на ближнего, должно при свете Евангелия углубляться в себя, наблюдать за своими немощами, исследовать свои греховные стремления, движения и состояния. **Когда грех наш привлечет к себе наши взоры, — некогда нам будет наблюдать за недостатками ближнего, замечать их.** Тогда все ближние покажутся нам прекрасными, святыми; тогда каждый из нас признает себя величайшим грешником в мире, единственным грешником в мире; тогда широко отверзутся для нас врата объятия истинного, действительного покаяния.

Великий Пимен говорил: «Мы и братия наши как бы две картины. Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки, то в брате своем он видит совершенства. Если ж сам себе кажется совершенным,

то, сравнивая с собою брата, находит его худым»¹⁹¹. Величайшие угодники Божии особенно заботились узреть себя грешными, и столько грешными, чтоб согрешения ближних, явные и великие, казались им ничтожными, извинительными. Преподобный Сисой сказал авве Ору: «Дай мне наставление». — «Имеешь ли ты ко мне доверенность?» — спросил его авва Ор. — «Имею», — отвечал Сисой. — «Поди же, — сказал ему авва Ор, — и делай то, что делаю я». — «В чем состоит твое делание, Отец?» — спросил его авва Сисой. Старец сказал: «Я вижу себя хуже всех людей»¹⁹¹.

Если человек достигнет того состояния, говорил Пимен Великий, о котором сказал апостол: *вся чиста чистым* (Тит. 1, 15), то увидит, что он хуже всякой твари. Брат спросил старца: «Как могу думать о себе, что я хуже убийцы?» Пимен отвечал: «Если человек дойдет до состояния, указанного апостолом, и увидит человека, сделавшего убийство, то скажет: он однажды сделал этот грех, а я убиваю себя ежедневно». Брат пересказал слова Пимена другому старцу. Старец отвечал: «Если человек дойдет до состояния

такой чистоты и увидит грехи брата, то праведность его поглотит этот грех». Брат спросил: «Какая праведность его?» Старец отвечал: «Всегдашнее обвинение себя»^[9].

Вот истинные слышатели и творцы Закона евангельского! Изгнав из сердец своих осуждение и соблазн, они исполнились святой любви к ближнему, изливая на всех милость, и милостью врачую грешников. Сказано святыми отцами о великом Макарии Египетском, что он был как бог земной — с таким могущественным милосердием сносил он недостатки ближних. Авва Аммон, вникая непрестанно в себя и обличая душу свою в ее недостатках, пришел в глубокое смирение и святую простоту. От множества любви к ближнему он не видел в нем зла, забыл о существовании зла. Однажды привели к нему — так как он был епископом — девицу, зачавшую во чреве, и сказали: «Такой-то сделал это, наложи на них епитимию». Аммон, знаменав крестом чрево ее, велел ей дать шесть пар полотен, сказав: «Когда придет ей время родить, не умерла бы она сама или дитя ее и было бы, в чем похоронить их». Обвинявшие девицу сказали ему: «Что

ты делаешь? Наложил на них эпитимию!» Он отвечал: «Братия! Она близка к смерти! Что же еще делать с нею?» — и отпустил ее. Пришел однажды авва Аммон в некоторое местопребывание иноков, чтоб разделить с братиею трапезу. Один из братии того места очень расстроился в поведении: его посетала женщина. Это сделалось известным прочим братьям; они смутились и, собравшись на совещание, положили изгнать брата из его хижины. Узнав, что епископ Аммон находится тут, они пришли к нему и просили его, чтоб и он пошел с ними для осмотра келлии брата. Узнал об этом и брат и скрыл женщину под большим деревянным сосудом, обратив сосуд дном кверху. Авва Аммон понял это и ради Бога покрыл согрешение брата. Пришедши со множеством братьев в келлию, он сел на деревянном сосуде и приказал обыскать келлию. Келлия была обыскана, женщина не была найдена. «Что это? — сказал авва Аммон братьям. — Бог да простит вам согрешение ваше». После этого он помолился и велел всем выйти. За братиею пошел и сам. Выходя, он взял милостиво за руку обвиненного брата и сказал ему с любовью:

«Брат! внимай себе!» Так святой Аммон удалялся от осуждения кого-либо и врачевал грешников, смягчая милостью сердца их, приводя милостью к покаянию.

Сколько Господь отводит нас от пропасти соблазна и осуждения, сколько истинные рабы Господни удаляются от этой страшной, губительной пропасти, столько, напротив того, диавол влечет нас в нее, прикрывая ее различными оправданиями. Одно из сатанинских оправданий есть безрассудная ревность, принимаемая многими за ревность по благочестию, за святую ревность. «Человек, водимый безрассудною ревностью, — говорит святой Исаак Сирский, — никогда не возможет достигнуть мира мыслей. Чуждый же этого мира чужд радости. Если мир мысли есть совершенное здравие, а ревность противна миру, то имеющий ревность лукавую, недугует великим недугом. **О человек! полагая, что разжигаешься справедливою ревностью против чужих недостатков, ты отгоняешь здравие души твоей. Потрудись, потрудись о здравии души твоей! Если же желаешь врачевать немощных, то пойми, что больные нуждаются более**

в внимательной заботливости, нежели жестокости. Притом, в то время как не помогаешь другим, себя ввергаешь в тяжкую болезнь. Такая ревность в человеке принадлежит не к признакам премудрости, но к недугам души, к недостатку духовного разума, к большому невежеству. **Начало премудрости Божией — тихость и кротость,** качества великой и крепкой души, являющиеся в ней от основательного образа мыслей и носящие немощи человеческие»^[10].

Грех соблазна и осуждения так удобен к погублению человек и потому так возлюблен диаволу, что он не довольствуется возбуждением в сердце нашем ревности лукавой и чуждой евангельского разума, возбуждением гордостных помыслов, соединенных всегда с уничижением и презрением ближнего, но устраивает и явные козни для уловления невнимательных в соблазн и осуждение. Авва Пимен говорил: «В Писании сказано: *Яже видеста очи твои, глаголи* (Притч. 25, 8). Но я советую вам не говорить даже и о том, что осязали вы своими руками. Один брат был обманут таким образом: представилось ему, что брат

его грешит с женщиною. Долго он боролся сам с собою; наконец, подошедши, толкнул их ногою, думая, что это точно они, и сказал: полно вам, долго ли еще? Но оказалось, что это были снопы пшеницы. Потому-то я и сказал вам: **не обличайте, если даже и осязаете своими руками»** ^[11].

Грех осуждения так противен Богу, что Он прогневляется, отвращается от самих угодников своих, когда они позволят себе осуждение ближнего: Он отъемлет от них благодать Свою, как это видно из многочисленных примеров, сохраненных церковными писателями для пользы и назидания христианских поколений. **Никакая праведность не дает права осуждать грешащего** брата, которому Господь весьма удобно может даровать праведность существенную, несравненно большую той, которую мы думаем находить в себе. Мы можем быть праведными собственно правдою Божиею; когда же осуждаем ближнего, то этим самым отвергаем правду Божию, заменяем ее правдою своею или, правильнее, недугом фарисейства. **Осуждающий ближнего восхищает сан Бога, Которому Единому принадлежит**

суд над тварями Его, — восхищает сан Христа, имеющего судить живых и мертвых в Последний День ^[12].

Дивный Иоанн Савваит поведал о себе: «В то время как я жил в пустыне вдалеке от монастыря, пришел брат из монастыря навестить меня. Я спросил его: “Как живут отцы и братия?” — “Хорошо за твои молитвы”, — отвечал он. Потом я спросил об одном из братии, о котором ходила худая молва. Он отвечал мне: “Поверь, отец, этот брат продолжает жить по-прежнему”. Услышав это, я сказал: “Ох!” — и немедленно пришел в исступление. Я увидел себя стоящим пред Голгофою во Иерусалиме. Господь наш Иисус Христос стоял на Голгофе между двумя разбойниками. Я устремился на поклонение Ему. В это время — вижу — Господь обратился к предстоявшим Ему Ангелам и сказал им: “Выгоните его вон, потому что он в отношении ко Мне антихрист: предваряя суд Мой, он осудил брата своего”. В то время как изгоняли меня и я выходил из дверей, запуталась в них моя мантия и была удержана ими. Там я оставил ее. Немедленно пришедши в себя, я сказал посетившему меня брату:

“Лют для меня этот день”. Он спросил: “Почему так, отец?” Я поведал ему виденное мною, присовокупив, что снятая мантия означает отнятие от меня покровов Божия и помощи Божией. С этого дня я углубился в пустыню и скитался в ней в течение семи лет, не употребляя хлеба, не входя под крышу и не беседуя ни с кем из человеков. По прошествии этого времени я снова увидел Господа: Он возвратил мне мантию мою» ^[13].

Братия! Будем внимательны к себе! Постымся очистить себя не только от страстей телесных, но и от страстей душевных, от тщеславия, неверия, лукавства, зависти, ненависти, сребролюбия и прочих подобных недугов, которые движутся и действуют, по видимости, в одной душе, без участия тела, и потому называются душевными. Сказал я «по видимости»: они имеют влияние и на тело, но тонкое, не для многих приметное и постижимое. **При внимании себе и при очищении себя от этих страстей насеется постепенно в нас любовь к ближнему, а от нее ослабеет и уничтожится чувство соблазна на ближнего и осуждение его.** Будем непрестанно помнить, что нет

правды, угодной Богу, вне нищеты духа. **Будем оправдывать ближних, а осуждать себя**, чтоб Бог даровал нам благодать и милость Свою, которые Он дарует единым **смиренным и милостивым**. Аминь.

[9] Алфавитный Патерик.

[10] Святой Исаак Сирский. Слово 89-е.

[11] Алфавитный Патерик.

[12] Житие преподобного Василия Нового, мытарство осуждения. Четы-Минеи. Марта в 26 день.

[13] Алфавитный Патерик.

Поучение в среду 1-й недели Великого поста. О вреде лицемерства*

Аще поститесь, не будите яко лицемери сетующее (Мф. 6, 16).

Возлюбленные братья! Господь наш Иисус Христос, заповедав нам пред вступлением в подвиг поста прощение ближним их

* *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. Т. 4. Гл. 11.

согрешений, повелел самый пост тщательно охранять от лицемерства. Как червь, зародившийся внутри плода, истребляет всю внутренность плода, оставляя только его оболочку, так и лицемерство истребляет всю сущность добродетели. **Лицемерство рождается от тщеславия** (см.: Мф. 6, 1–2, 5, 16). **Тщеславие есть суетное желание и искание временной похвалы человеческой. Тщеславие является от глубокого неведения Бога или от глубокого забвения Бога, от забвения вечности и Небесной славы, и потому оно в омрачении своем ненасытно стремится к приобретению земной временной славы. Эта слава представляется ему, как и жизнь земная, вечным, неотъемлемым достоянием. Тщеславие, ищущее не самой добродетели, а только похвалы за добродетель, заботится и трудится единственно о том, чтоб выставить пред взоры человеческие личину добродетели. И предстоит лицемер человечеству, облеченный в ризу сугубого обмана: на наружности его видна добродетель, которой в сущности он вовсе не имеет, в душе его видны самодовольство и напыщенность, потому что он прежде**

всего оболыщен и обманут в самом себе. Болезненно наслаждается он убивающим его тщеславием, болезненно наслаждается обманом ближних, болезненно и злосчастно наслаждается удавшимся лицемерством. Вместе с этим он соделывается чуждым Богу: *пред Богом нечист всяк высокосердый* (Притч. 16, 5).

Пагубны тщеславие и рождаемое им лицемерство в самом начале своем: они лишают человека всякой награды Небесной, в единственную награду предоставляя ему избранную им вожделенную ему суетную похвалу человеческую. Такой приговор на тщеславных лицемеров произнесен Господом. Наставляя Своих учеников творению добрых дел втайне, Господь завещает: *Внемлите милостыни вашае не творити пред человеки, да видими будете ими: аще ли же ни, мзды не имате от Отца вашего, Иже есть на Небесех. Егда убо твориши милостыню, не воструби пред собою, якоже лицемери творят в сонмищах и стогнах, яко да прославятся от человек. И егда молишия, не буди якоже лицемери, яко любят в сонмищах и в стогнах путей*

стояще молитися, яко да явятся человеком. Егда поститесь, не будите якоже лицемери сетующе: помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящися: аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою. Ты же постяся помажи главу твою и лице твое умый, яко да не явишися человеком постяся, но Отцу твоему, иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве (Мф. 6, 1–2, 5, 16–18).

Ужасны тщеславие и лицемерство в развитии своем и зрелости своей, когда они обладают человеком, когда они обратятся в правило деятельности, в характер. Ими образуется фарисей, стремящийся с испуленной и слепой решимостью к совершению всех беззаконий и злодеяний; ими образуется фарисей, нуждающийся в личине добродетели только для того, чтоб свободнее и успешнее утопать в злодеяниях. Омраченные и ожесточенные фарисеи совершили ужаснейшее преступление между преступлениями человеческими: они совершили богоубийство. И если б могло существовать какое преступление более лю-

тое, — они бы не содрогнулись: посягнули бы на него.

Такова плачевная картина нравственно-го опустошения, нравственных бедствий, совершаемых тщеславием и лицемерством в падшей человеческой природе. Искупитель наш, Господь наш Иисус Христос, даровавший нам действительнейшие врачевания против всех недугов наших, телесных и душевных, заповедует врачевать страсть лицемерства в корне ее, в ее начале, в тщеславии. **Тщеславие алчет и жаждет славы человеческой.** Господь повелел умерщвлять его свойственным ему голодом. **Он повелел отнять у тщеславия пищу и питье — человеческую похвалу; повелел тщательно укрывать все добрые дела от взоров человеческих, повелел все добрые дела, самую любовь к ближним, приносить всецело в жертву единому Богу.** И Ветхий Завет, преподающий святую истину таинственному Израилю живописью прообразований, устанавливает: *Всяк дар жертвы вашей солию да осолится: да не оставите соли завета Господня от жертв ваших, во всяком даре вашем да принесете Господу Богу вашему*

соль (Лев. 2, 13). Соль во всяком даре, во всякой жертве Богу израильтянина — мысль и цель богоугождения во всяком добром деле христианина.

Святые отцы, учителя Церкви, при свете Христовом, при свете Святого Духа, взглядевшие в глубину сердца человеческого, усмотревшие в этой глубине образ действия различных страстей, называют тщеславие страстью многообразною, самую тонкою, неудобопостижимую ^[12]. Все прочие страсти возмущают спокойствие человека, немедленно обличаются совестью; страсть тщеславия, напротив того, льстит падшему сыну Адама, приносит ему как бы наслаждение, представляется утешением духовным в награду за совершенное доброе дело. Все прочие страсти прямо нарушают противоположные им добродетели: так, объедением нарушается воздержание, гневом — кротость, сребролюбием — щедрость. Тщеславие, по-видимому, не нарушает ни одной добродетели; оно, татебным образом отняв у человека памятование о Боге, о несказанном величии Божиим, о несказанной святине Его, пред которою *самое небо нечисто*

(Иов. 15 15), увлекает падшего человека взглянуть на себя с одобрением и удовольствием, полюбоваться собою. *Несмы якоже прочие человецы*, — говорит оно (Лк. 18, 11)! В ослеплении своем из удовлетворения самим собою, тщеславный благодарит Бога, забыв, что благодарение Богу падшим человечеством может быть приносимо только из видения множества собственных согрешений и немощей, видения, соединенного с видением неизреченных благодетельных Создателя к Его созданию, к созданию погибшему. Тщеславие радуется, когда увидит, что человек обогащается добродетелями: оно надеется обратить всякую добродетель в согрешение, надеется соделать всякую добродетель причиною и поводом к осуждению человека на Суде Христовом. Оно покушается пророчествовать! Оно дерзостно стремится к творению чудес и решается искушать Господа! Чуждое духовного дара, оно ищет представить себя имеющим дар или, по крайней мере, внушить подозрение к себе в людях, как бы к чему-либо вышестественному; оно ищет этим обманом бедственно утешить себя. Оно соприсутствует

подвижнику при его посте, при его молитве, при его милостыне, при его бдениях, при его коленопреклонениях, стараясь восхитить жертву, приносимую Богу, и, осквернив ее человекоугодием, сделать непотребною. Оно преследует раба Христова в уединении келии его, в его затворе; **не имея возможности доставить подвижнику душепагубную похвалу от посторонних зрителей, приносит ему похвалу в помыслах, рисует и изображает обольстительно в воображении славу человеческую.** Часто оно действует без помысла и мечтания; но познается единственно по отсутствию из сердца блаженного умиления, блаженного памятования и сокрушения о согрешениях. «Если ты не имеешь сердечного плача, — сказал некоторый великий отец, — ты имеешь тщеславие» ^[13].

Противостанем с решимостию, с самоотвержением душепагубной и льстивой страсти тщеславия! Противостанем ей, утвердив на камени Христовых заповедей наше слабое сердце, которое само по себе удобно колеблется, как бы от ветров, от влияния и действия на него различных страстей.

Отвергнув и постоянно отвергая тщеславие, мы будем уже в безопасности от другой страсти, от ужасной страсти лицемерства. Добрые дела наши и подвиги будем совершать по наставлению Спасителя — втайне. **Принимая участие в церковных последованиях, остережемся от проявления при них каких-либо особенных порывов нашей набожности, которые бы резко отличали нас от братьев наших.** «Обрати внимание на то, — сказал святой Иоанн Лествичник, — чтоб, находясь между братьями твоими, тебе отнюдь не показаться праведнее их в чем-либо. Поступая иначе, соделаешь два зла: братьев уязвишь твоим притворным усердием, а себе непременно дашь повод к высокоумдию. Будь усерден в душе твоей, не обнаруживая этого ни телодвижением, ни видом, ни словом, ни паданием»^[14]. Если же в уединенном затворе, при уединенной молитве, при душеназидательном чтении и размышлении, тщеславный помысл, проникнув сквозь заключенную дверь, проникнув к самому уму нашему, к самому сердцу, будет представлять нам для прельщения нашего славу человеческую, как украшенную

блудницу, — возведем скорее мысль на Небо пред Бога. Когда ум человеческий озарится духовным созерцанием Божественной славы и величия и низойдет оттуда к созерцанию самого себя, тогда он видит уже не величие человечества. Он видит его **нищету, греховность, немощь, падение; видит приговор смертный, изреченный на всех; видит тление и смрад всех при постепенном, никем неминуемом исполнении приговора.** Он стяжывает правильное понятие о человеке, чуждое тщеславного обольщения, и восклицает вместе с Иовом: Владыко Господи! *Ныне око мое виде Тя. Тем же укорих себе сам и истаих: и мню себе землю и пепел* (Иов. 42, 5–6). Истинное смирение — от богопознания. Аминь.

Слово о молитве умной, сердечной и душевной *

Особенное внимание должно обратить на действие в нас тщеславия, которого

* *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. Т. 2. Гл. 16. Приводится в сокращении.

действие на кровь очень трудно усмотреть и понять. **Тщеславие почти всегда действует вместе с утонченным сладострастием и доставляет человеку самое тонкое греховное наслаждение. Яд этого наслаждения так тонок, что многие признают наслаждение тщеславием и сладострастием за утешение совести, даже за действие Божественной благодати.** Обольщаемый этим наслаждением подвижник мало-помалу приходит в состояние **самообольщения**, признавая самообольщение состоянием благодатным, он **постепенно поступает в полную власть падшего ангела**, постоянно принимающего вид Ангела светлого, делается **орудием, апостолом отверженных духов**. Из этого состояния написаны целые книги, восхваляемые слепотствующим миром и читаемые не очистившимися от страстей людьми с наслаждением и восхищением. **Это мнимо духовное наслаждение есть не что иное, как наслаждение утонченными тщеславием, высокоумием и сладострастием. Не наслаждение — удел грешника; удел его — плач и покаяние. Тщеславие растлевает душу точно так же, как блудная страсть растлевает душу**

и тело. Тщеславие делает душу неспособной для духовных движений, которые тогда начинаются, когда умолкнут движения душевных страстей, будучи остановлены смирением. Потому-то святыми отцами предлагается в общее делание всем инокам, в особенности занимающимся молитвой и желающим преуспеть в ней, **святое покаяние, которое действует прямо против тщеславия, доставляя душе нищету духовную.** Уже при значительном упражнении в покаянии усматривается действие тщеславия на душу, весьма сходное с действием блудной страсти. Блудная страсть научает стремиться к непозволительному совокуплению с постороннею плотью и в повинующихся ей, даже одним услаждением нечистыми помыслами и мечтаниями, изменяет все сердечные чувствования, изменяет устроение души и тела; **тщеславие влечет к противозаконному приобщению славе человеческой и, прикасаясь к сердцу, приводит в нестройное сладостное движение кровь,** — этим движением изменяет все растворение (расположение) человека, вводя в него соединение с дебелим и мрачным духом мира

и таким образом отчуждая его от Духа Божия. **Тщеславие в отношении к истинной славе есть блуд.** «Оно, — говорит святой Исаак Сирин, — на естества вещей блудным видением взирает»^[15]. Сколько оно омрачает человека, как делает для него приближение и усвоение Богу затруднительным, это засвидетельствовал Спаситель: *Како вы можете веровати*, сказал Он тщеславным фарисеям, искавшим похвалы и одобрения друг от друга и от слепотствующего человеческого общества, *славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищите?* (Ин. 5, 44). Так называемое преподобными Иоанном Лествичником и Нилом Сорским^[16] гордостное усердие к преждевременному исканию того, что приходит в свое время, можно непогрешительно отнести к страсти тщеславия при непременно содействии крови; кровь разгорячают и приводят в движение тщеславные помыслы, а тщеславие, обратно, растит и размножает обольстительные мечты и напыщенное мнение о себе, именуемое Апостолом *дмением плотскаго ума, без ума дмящагося* (Кол. 2, 18).

^[12] *Преподобный Кассиан Римлянин. О осьми страстных помыслах; Св. Иоанна Лествичника слово 22-е. О тщеславии.*

^[13] *Великий Варсонофий, по ссылке Ксанфопулов, Добротолюбие. Ч. 2, гл. 25.*

^[14] *Лествица. Слово 4-е.*

^[15] *Святой Исаак Сирский. Слово 56-е.*

^[16] *Преподобный Нил Сорский. Слово 11-е.*

Изречения отцов Церкви о тщеславии*

*Антоний Великий***

Отнюдь не знакомься с мирянами и не подражай фарисею, который все делал напоказ человекам.

Не надевай одежды, которая приводит тебя в тщеславие.

Если изучишь какие-либо добродетели, не хвастай, не говори, то и то я сделал и исполнил. Такое хвастовство — признак величайшего неразумия.

*Авва Исаия****

Убегай тщеславия, и сподобишься славы в будущем веке.

Признаю великим и честным дело победы над тщеславием и стяжание духовного разума. Одержимый мерзостною и лукавою

* *Игнатий (Брянчанинов)*, свт. Творения. Т. 6.

** Там же. С. 22, 23, 27.

*** Там же. С. 151, 194, 203, 221, 222, 184.

страстью тщеславия чужд мира, ожесточается сердцем против святых и в довершение зол впадает в высокоумие и в навывк ко лжи.

Любящему человеческую славу невозможно достичь бесстрастия: зависть и рвение живут в нем.

Ржавчиною снедается железо и честолюбием — сердце человека, потворствующего этой страсти.

Далек от плача тот, кто вдается в мирские заботы с целью удовлетворения своему тщеславию.

Если кто прославляет тебя и ты с услаждением принимаешь похвалу, то нет в тебе страха Божия.

Если ты занимаешься посещением славных мира с намерением свести с ними короткое знакомство и дружбу, то нет в тебе страха Божия.

От любви к славе человеческой рождается ложь.

*Авва Исидор Пелусиот**

Подвизаясь успешно в посте, не превозносите этим. Если же вы тщеславитесь постом вашим, то лучше было бы для вас есть мясо;

* *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. Т. 6. С. 245.

не так вредно для монаха употребление мяс, как вредны гордость и тщеславие.

*Святитель Тихон Воронежский**

Отрекшиеся от мира хотя и азбуки не знают, но мудрейшими бывают, Божиим просвещаемы светом паче тех, которые все писания знают, но ищут в мире сем прославиться...

Всякое дарование Божие обращается нам во вред, когда от него не Божией, но нашей славы ищем.

*Повести из жития старцев***

Когда Бог видит, что человек хвалится о слезах в сердце своем, тогда взимает от него плач, и бывает сердце его жестоко как камень: Бог оставляет его, чтобы он смирился и познал всю немощь...

*Изречения безымянных старцев****

Почитаемый и похваляемый превыше достоинства своего терпит от этого вред. Но тот, кого человеки вовсе не хвалят, прославится Богом.

* *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Творения. Т. 6. С. 362, 363.

** Там же. С. 444.

*** Там же. С. 396.

Приложение

О тщеславии

Слово «тщеславие» сложное, и произошло оно от словосочетания «тщетная слава». Тщетная — значит суетная, пустая, напрасная, бесполезная. Чтобы понять, в каких случаях с позиции веры слава бывает пустой и бесполезной, воспользуемся изречением святителя Игнатия: «Тщеславие ненасытно стремится к приобретению земной временной славы» (4, 68), оно «все делает для похвалы человеческой» (1, 417). Таким образом, тщетной является слава человеческая, земная слава-похвала, которую человек ищет и принимает от людей. Наслаждаться такой славой не только не полезно, но и опасно, равно как иметь смертельную болезнь в теле и при этом радоваться и способствовать ее развитию. К чему это приведет больного, всякий разумный пусть скажет сам! Но с точки зрения будущей вечной участи

тем более страшно не замечать болезнь души и развивать ее.

От чего рождается тщеславие? «Тщеславие является от глубокого неведения Бога или глубокого забвения Бога, от забвения вечности и Небесной славы» (4, 68); т. е. от неведения основных понятий веры (о Боге Творце, о предназначении человека, о грехопадении, о Суде Божиим, об аде и Рае) рождается опаснейшая болезнь души, быстро развиваясь при нашем непосредственном, живом участии. И наоборот, при спасительном знании этих вопросов — тщеславие не только может быть обнаружено, но и побеждено!

Попробуем разобраться и найти правильные понятия, чтобы освободиться от плена страсти по слову Господа: *познайте истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8, 32). Итак, Творец создал человека для славы Небесной и заложил в его душе стремление искать, желать и жаждать ее. Первый человек Адам был сотворен по образу Божию. Слава Творца отобразилась в творении — человеке (см.: Быт. 1, 26). Бог вечен, и Адам сотворен бессмертным. Бог свободен и не отчитывается ни перед кем, и Адама сотворил свободным.

Бог премудр, и человека одарил разумом. Адам по своему разумению мог выбирать, как ему поступать, и свободно делать то, что пожелает. В доказательство этого Создатель дал заповедь Адаму (см.: Быт. 2, 16–17), исполнение которой зависело от свободного и разумного желания человека, то есть: мог исполнять, а мог и нарушить. Это и есть действительная свобода по образу бытия Самого Творца.

Первого человека Бог сотворил по подобию Своему, Он даровал ему начаток всех добродетелей, которые в Нем преизбыточествуют. Все те качества и свойства, которые есть в Боге, даны человеку в той мере, в какой их мог вместить Адам как творение.

Первозданный Адам был безгрешен, чист и свят, и никакие болезни не могли прикоснуться к нему! Это — слава Небесная! Он помещён ни где-нибудь, а в особом месте — в Раю, где изобиловали все блага, так, чтобы ничто не отвлекало Адама от главной цели — обожения и достижения максимально возможной славы Небесной.

И не только Рай, но и весь мир был сотворен для человека, — и в этом выражается слава его (см.: Быт. 2, 8). В Раю животные

слушались первого человека, и он сам назвал все одушевленные творения — в этом его слава (см.: Быт. 2, 19). Адам царствовал над всей природой (см.: Быт. 1, 28).

Святой Дух Божий был источником славы первого человека, Он пребывал в чистом и безгрешном Адаме, оживотворяя его и привлекая к еще большей славе Небесной, вплоть до состояния обожения (см.: Быт. 2, 7).

Однако по научению сатаны первые люди решили достигнуть состояния совершенства сами, без Творца, через нарушение заповеди Божией. Как произошла эта трагедия? Прежде скажем кратко, откуда взялся провокатор, убедивший первых людей нарушить заповедь. Сатана — это бывший светлый Архангел (один из высших Ангелов — Херувим) по имени Денница. Сначала он, Денница, любуясь своими способностями, сиянием, силой и властью, так увлекся, что посчитал себя равным Богу, упустив из внимания, что он — всего лишь творение и все свои дарования получил от Творца. В его сознании родилась такая страшная мысль: «Зачем мне Бог, я сам как Бог!» Отрекаясь, таким образом, от своего Создателя, он в одно мгновение превратился

в черного дьявола, лишившись славы Небесной, которою был наделен свыше. Падение произошло окончательно и бесповоротно. Ненависть к Богу и лютая гордость стали главными его качествами. Не имея возможности причинить зло Самому Господу, мучимый завистью к чистому и безгрешному человеку, дьявол решается хитростью погубить Адама. Сначала убеждает Еву, что от вкушения запрещенного Богом плода, они не умрут, а потом соблазняет ее ложным обещанием, что станут при этом как боги (см.: Быт. 3, 1–5).

Поскольку люди, поверив сатане, пошли его путем, они лишились славы Небесной, подобно самому сатане: Дух Святой Божий — источник этой славы — немедленно оставил их. Точнее, сами люди, нарушая заповедь, «убежали» от Вечной жизни и приняли в себя вечную смерть. С этой минуты начинается рабство сатане, смешение в человеке добра и зла, болезни, страдания, бедствия, необходимость трудов, изгнание из Рая (см.: Быт. 3, 23), муки рождения, смерть (см.: Быт. 3, 16–19), а по окончании земной жизни — вечное пребывание в аду. Вот к чему привела попытка первых людей достичь славы

преступным путем, без Бога, нарушая заповедь Творца. Сострадательно звучат слова Господа: *вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло* (Быт. 3, 22). Результат этого «знания» — не то обожествление, которое предлагал человеку Творец, а заражение злом, отравившее человека. Не только не приобрел бóльшего, но лишился и того, что имел. Человек потерял Божественную благодать — обесславился, лишился славы Небесной, которой был наделен от начала.

Однако стремление к славе, как свойство духа, человек не утратил, поэтому продолжает ее искать. Только теперь, к горькому сожалению, не Небесную славу ищет, а земную — тщетную. Святитель Игнатий отмечает: «Тщеславие в отношении к истинной славе есть блуд» (2, 216). Так отравился человек, так помрачился его ум, так извратилось его сердце, что славу небесную он теперь не разумеет. Сердце человека настолько окаменело, что не воспринимает духовное, находя наслаждение в земном: «Тщеславие делает душу неспособною для духовных движений» (2, 215). Но сколько бы мы ни собирали здесь, на земле, славы

от людей, насытиться ею невозможно. Она — как дрова в раскаленной печи, которые быстро сгорают и требуется подбрасывать их вновь и вновь. Земная слава лишь на время дает человеку ощущение радости, а затем истязает человека, мучит душу жаждой, заставляя искать ее каждый день. Если же она оставит человека навсегда, то такую трагедию способен пережить далеко не всякий. Земная слава убивает человека, как сладкий яд, который вначале кажется приятным, но потом действует убийственно. Согласно этому, причина тщеславия как страсти заключается в том, что мы потеряли Небесную славу и пытаемся найти ей замену — вместо Небесной собираем земную (от людей). По неверию своему, мы забыли, что жизнь земная не вечна, что после смерти будет Суд, следствием которого может явиться вечная мука в аду. Погоня за тщетной славой вменится нам в грех. Земная слава не только не защитит нас на Суде Божиим, но обличит во вражде против Творца, по замыслу Которого человек должен стремиться к славе Небесной, к обожению. Мы забываем, что смертны, что слава, приобретенная на земле,

не перенесется в загробный мир, и после смерти не пригодятся наряды, деньги, машины, квартиры, украшения и прочее. По неверию нашему мы усердно ищем земную славу, не боимся ее приобретать, не стесняемся ею наслаждаться, хвалиться, рассказывать другим о наших достижениях, как будто вечно будем пожинать плоды своего тщеславия.

Может показаться, что страсть тщеславия свойственна только людям известным (певцам, актерам, ученым, политикам и прочим), а простому человеку эта болезнь души не грозит. Но это не так. У тщеславия бывают не только явные внешние проявления (медали, цветы, бриллианты, аплодисменты, трибуны, сцены), но и тонкие, внутренние, заметить которые намного сложнее. Да и победить грубое, внешнее легче, а с внутренним действием приходится бороться годами, — оно-то и возникает в любом человеке, даже самом простом и незаметном. «Святые отцы, учителя Церкви, при свете Христовом, при свете Святого Духа, взглядевшие в глубину сердца человеческого... называют тщеславие страстью многообразною, самую тонкою, неудобопостижимую» (4, 70).

Действие страсти становится заметным при выполнении доброго дела. Если дело удалось, то **внутри появляется чувство самодовольной приятности. Вот это самое чувство и есть действие страсти тщеславия.** Оно бывает таким тонким, что обнаружить его нам, огрубевшим и невнимательным, очень трудно, но при желании все-таки можно. Если не удастся его уловить, то необходимо научиться замечать более грубые чувства, например гнев. Он действует в груди подобно закипающей в чайнике воде: сначала легонько, потом сильней и сильней, шумит, плещут брызги, и пар подбрасывает крышку. Научившись контролировать чувство гнева, возможно наконец заметить и более тонкое действие других страстей.

Немного легче раскрыть действие тщеславного чувства в момент, когда нас хвалят за успехи и добрые дела. Тогда оно ярче и продолжительней, даже ударяет в голову. Губы невольно расплываются в улыбке, прорывается смех. Появившееся при этом действие в сердце — и есть тот самый **сладкий яд, приятный для тщеславного.** Привыкнув к этому действию как к наркотику, человек

уже не может без него жить и если долгое время его не испытывает, то впадает в печаль или в раздражение. Так, многие люди в мире любят творить добрые дела, чтобы испытать это приятное чувство. А некоторые делают их напоказ, явно, для похвалы людской, тогда «приятность» еще сильнее, сладкий яд тщеславия более «концентрированный». Святитель Игнатий предупреждает: «Охраняя наши добродетели от повреждения похвалами человеческими, мы должны охранять их и от живущего в нас зла... не увлекаться помыслами и мечтаниями тщеславными... тщеславным услаждением» (1, 512–513). **В таком случае добро уже не является чистым, оно очернено, а точнее отравлено тщеславием.**

Что говорить о людях неверующих, когда мы, христиане, страдаем этой болезнью, вовсе не считая ее за болезнь. **Если мы выполняем заповеди Христовы и не устраняем возникающего самодовольства, то мы не только не спасаемся, а наоборот, губим себя, развивая страсть тщеславия. Возникающее внутри чувство приятности нужно осуждать как грех и каяться в нем. В противном случае заповедь будет исполнена не ради**

Христа, а ради собственной приятности. Такое дело не будет принято Богом и обернется нам в осуждение. «Самая скрытная из всех душевных страстей есть тщеславие. Эта страсть более других маскируется пред сердцем человеческим, доставляя ему удовольствие, часто принимаемое за утешение совести, за утешение Божественное» (1, 417). Потому-то для христианина важно знать действие этой губительной страсти, чтобы труды не оказались напрасными.

Тщеславие — как двойной обман. Страдающий тщеславием обманывает и окружающих, и себя. Вначале посмотрим, как происходит обман окружающих. Внешне тщеславный благочестив, приличен, добродетелен, но его внутреннее состояние прямо противоположно всему вышеперечисленному. Так, мы молимся в храме, показывая внешнее благочестие: склоняясь в глубоких поклонах и делая красивый жест рукой. При этом непонятно, зачем боковым зрением мы поглядываем на окружающих, проверяя, смотрят ли на наше «благочестие»; к чему желаем, чтобы нас заметили, и прислушиваемся, не говорят ли о нас; зачем обдумываем, какое

впечатление мы производим на людей, и т. д. Действительно, так мы не Богу приносим свое усердие, а стараемся ради положительного мнения о нас других людей. Может дойти до того, что своим опытом мнимого благочестия мы поделимся со стоящим рядом человеком прямо во время службы, а то и грубо одернем кого-нибудь или осудим в мыслях. «Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять» (5, 77). Вот она, реальная картина: внутренняя гниль только прикрыта приличной формой. Некоторых обманули, а Бога разве обманешь? Такие «дела благочестия» лучше не делать. От них никакой пользы нет. Они не зачтутся нам как добродетель, мало того, мы опорочим себя, послужим своему самолюбию и тщеславию.

А как тщеславный обманывает себя? Человек уверен в том, что совершает добро, что развивает добродетели, что работает для Царства Небесного, для Вечной жизни, и даже не замечает, как все добрые дела похищает у него сатана через страсть тщеславия, которая, как большая дыра в стене дома, — удобный лаз для похитителей. Мы будем думать, что явимся на Суд Божий с некоторым

духовным багажом, а фактически окажется, что мы пусты, у нас ничего нет. Именно поэтому, что с нашими добрыми делами искусно смешалось тщеславие. Тогда услышим от Господа: *Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг* (Откр. 3, 17).

Вполне понятное объяснение того, как добродетель и подвиги могут оказаться не спасительными, а вредными для души, есть у святителя Игнатия (Брянчанинова). Представим себе качественно приготовленную пищу, выложенную на блюдо и украшенную, как на праздничном столе. Что произойдет с пищей, если злой человек посыплет ее одной щепоткой яда? Ясно, что вся пища превратится в яд! Употреблять ее уже нельзя! Вот так и наши добрые дела становятся неуютны Богу, если к ним примешалось тщеславие, как та самая маленькая щепотка яда, которая отравляет целое блюдо. Если представить себе, что на Суде Божиим все наши дела будут разделены и положены на две чаши весов (на правую чашу — добрые дела, принятые Богом, а на левую — грехи),

то дела, исполненные с примесью тщеславия, будут находиться на левой чаше вместе с явными, грубыми грехами. Если же мы не замечаем в себе действие страсти тщеславия и не уничтожаем его покаянием, то найдется ли место каким-нибудь из дел справа? Легко догадаться, какая чаша весов перевесит. Тот, кто не борется со страстью тщеславия, чем больше делает «добрых» дел, тем более отягощает левую чашу. Вот какой горький самообман! «Тщеславие радуется, когда увидит, что человек обогащается добродетелями: оно надеется обратить всякую добродетель в согрешение, надеется соделать всякую добродетель причиною и поводом к осуждению человека на Суде Христовом» (4, 71). По этой причине, когда мы совершаем доброе дело с примесью тщеславия и не можем его погасить, то лучше оставить это доброе дело — в нем нет необходимости, оно не приносит пользы. Такое утверждение нередко вызывает возмущение: «Что же, теперь совсем никаких добрых дел не делать? А как тогда заповеди исполнять?» Заповеди исполнять обязательно, но при этом следить за тем, чтобы не делать их напоказ

и не допускать в сердце самодовольства и внутренней удовлетворенности.

Подтверждение сказанному находим в Евангелии от Матфея (глава 6):

1. Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.

2. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

3. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая,

4. чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

5. И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

6. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу

твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. <...>

16. Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

17. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое,

18. чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Содержание третьего стиха не совсем понятно. Разберем его подробно. Что значит: *пусть левая рука твоя не знает, что делает правая?* Как рука может знать или не знать? Это свойство принадлежит уму, а не руке. Ум же у человека один, и не может он одновременно знать и не знать. О чем же здесь говорит Господь?

Под правой рукой надо понимать само дело, а под левой рукой — душу, которая должна удержаться от самодовольства и сладко-ядовитой приятности, чтобы цена доброго дела не была потеряна, чтобы совершенное

добро не было украдено тщеславием. Итак, при исполнении заповедей необходимо следить за помыслами и чувствами, помня слова пророка Давида: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу* (Пс. 113, 9).

Если мы научились обманывать окружающих, совершая добрые дела напоказ, если обманываем самих себя, думая, что добро с примесью тщеславия пойдет нам во спасение, то Бога нам не обмануть, потому что Ему открыты все наши тайные мысли и чувства. Если мы внешне, для людей, выглядели благочестиво, а в сердце присутствовала радость тщеславная, то Богу это, безусловно, известно. И если эту радость мы принимаем, согласны с нею, то сказано нам: *Они уже получают награду свою, тогда не будет вам награды от Отца вашего Небесного*. А чему, действительно, радоваться? Ведь мы только пытаемся исполнять то, что обязаны (см.: Лк. 17, 10)!

Вспомним притчу о богаче и Лазаре (см.: Лк. 16, 19–31). В характеристике образа жизни богача явно прослеживается тщеславие: *одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно*. Он доволен

собой, ему приятны дорогие одежды, которые он носит, он в беспечной радости проводит дни своей жизни. Богач до такой степени опьянен сладким ядом тщеславия, что не замечает нищего человека, лежащего у ворот, покрытого коростами, голодного, желающего иметь хотя бы крошки, падающие с его стола. Богач не думает о смерти и последующей за ней загробной участи. Это страсть так увлекает душу, так омрачает ум, что ни о каких последствиях думать невозможно. Но «блистательная» жизнь вдруг неожиданно заканчивается, результатом ее является ад. *И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем.* В ответе Авраама звучит справедливый приговор тщеславному богачу: *чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей.* Ведь богач имел славу от людей и наслаждался своей «блистательностью», все в своей жизни он делал для славы земной, а о славе небесной не беспокоился. Как мы видим, он не захотел

от избытков подать милостыню нищему Лазарю, и вот результат. Напоминанием себе этой притчи удобно погашать предательское действие тщеславия.

Если по милости Божией произошло событие, когда мы исполнили заповедь Христова, то немедленно напомним себе, что сделали только то, что обязаны были, и гордиться тут нечем. Ведь не больше того сделали, что должно? А если сделали только должное, то какая причина для самодовольной радости и превозношения (см.: Лк. 17, 10)? Надо постараться забыть о сделанном добре, отогнать воспоминания и мечтания на эту тему, постараться признать дело как незначительное, благодарить Господа за помощь. Возможность потрудиться дана во спасение: для очищения от грехов, для борьбы со страстями, для обретения добродетелей, а вовсе не для гибели. Допущенным самодовольством и самохвальством мы добро превратим во зло. Если же припишем дело не себе, а Богу, то смиримся, а смирение принесет с собой блага Царства Небесного.

По неосторожности мы нередко рассказываем о сделанных добрых делах, и сатана

легко ворует их. Как это происходит? Слушающий обязательно удивится, позавидует, похвалит или одобрит, тем самым спровоцирует в нашем больном сердце всплеск тщеславия, — и дело украдено! А если собеседник ничего не скажет, то по привычке все-таки сработает чувство самохвальства, потому что мы рассказали о себе, «раструбили». Поэтому Господь и говорит нам: *не трубите* (ср.: Мф. 6, 2). Не трубите о себе! Все растеряете!

С кем мы можем поделиться, рассказать о добром деле, которое сделали? Только с человеком, который понимает происходящее с духовной точки зрения, который сам знает свою страсть тщеславия, борется с нею усердно и в этой «кровавой» битве достиг некоторых положительных результатов, по слову Апостола: *быв искушен, ... может и искушаемым помочь* (Евр. 2, 18). Такой человек не будет захваливать, не станет восхищаться и не позавидует. Напротив, если он увидит борющееся рассказчика тщеславие, то постарается бережно погасить его. А если услышит жалобу на обуявшую страсть тщеславия, то научит, как с ней бороться, чтобы бесы не расхищали добро. Однако нелегко

встретить в наши времена опытного советчика, способного с любовью «лечить» больные души от таких сложных болезней, как тщеславие, поэтому страсть легко обкрадывает человека в духовном отношении. Ведь любая из добродетелей не может быть принята Богом, когда к ней примешалось тщеславие.

При отсутствии опытного руководителя в борьбе со страстью тщеславия помогает Сам Бог. По любви Своей, чтобы уберечь душу неопытного человека, Господь попускает искушения: до исполнения доброго дела или после того. Под искушением надо понимать скорбное происшествие, с помощью которого гасится самодовольство, нейтрализуя сладкий яд страсти. Отцы Церкви, как видим из приведенных выше сочинений, говорят, что признаком того, что доброе дело угодно Богу, служит предшествующее ему или последующее за ним искушение. Воспитывающая рука Отца Небесного не дает нам погибнуть от неопытности, милостиво оберегая от внутренних опасностей, таящихся в глубинах человеческого сердца. «Чтобы мы усвоили себе смирение, попускаются нам различные напасти: напасти от демонов, от человеков,

от многообразных лишений, от извращенного и отравленного грехом нашего естества» (5, 433). В противном случае произойдет трагедия: чем больше будет сделано добрых дел, тем более возрастет и укоренится страсть тщеславия и неминуемо утянет в ад. Помоги нам, Господи, видеть эту болезнь души и исцели ее!

Священное Писание предупреждает нас: *Сын мой! Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению* (Сир. 2, 1). Если кто-то думает по ошибке, что «служить Господу» — это означает петь на клиросе, строить храмы, руководить монастырями и управлять епархиями, то он ошибается. «Служить Господу» означает исполнять заповеди Христовы. А исполнять их обязан любой христианин: на любом месте, в любом звании, в любой должности. Только степень искушений бывает у всех разная, в меру опытности и готовности души их понести, и не стоит этого бояться. Кто желает серьезно проводить духовную жизнь, пусть ожидает больших искушений. Апостол Павел предупреждает: *все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12).

Гонения — это особо трудный вид искушений, легко погашающий самодовольство, невольно рождающееся от дел благочестия.

Ложное благочестие фарисеев не раздражало сатану, поэтому и искушений они никаких не несли. Наоборот, их жизнь текла размеренно и спокойно. А вот истинное благочестие невыносимо для врага рода человеческого. Он не может смотреть спокойно, когда мы вырываемся из его «законного» рабства и пытаемся встать на путь, ведущий к Царству Небесному. Он ненавидит людей за это и обязательно будет мстить. И тогда милость Божия, чтобы мы по незнанию не попали из грубых грехов в тщеславие, иногда попускает бесам нанести удар по самодовольству, автоматически рождающемуся в душе.

Интересно было бы знать, как воспитывается в человеке тщеславие? В каком возрасте оно возникает? Как бесы заражают этой смертельной болезнью? С помощью чего сатана улавливает душу?

Наклонность к страсти тщеславия (впрочем, как и к любой другой) передается душе ребенка от родителей при зачатии. Взрослым интересно искать в ребенке внешнюю

схожесть с родителями: они радуются, что нос как у папы, а глаза мамыны. Так передается цвет глаз, рост, смуглость кожи, красота волос и прочее. Но точно так же — и это легко определяется с возрастом — передаются и черты характера. А что такое черты характера, как не качества души человека? С точки зрения Православия — это страсти или противоположные им добродетели. Итак, родительская склонность к страстям передается детям.

А кто воспитывает ребенка? Родители, которые заложили в нем свои склонности. Известно, что в подготовленной почве и семя хорошо прорастает. Почва для страсти есть, остается соответствующими примерами взрастить ее. При этом никто из родителей не желает губить душу ребенка, это происходит невольно, от обычного поведения старших, потому что в основе их поведения лежат те же страсти. И если родитель в себе ничего плохого не замечает, то сдерживать себя при ребенке не будет, а младенец, как известно, впитывает все, как губка: что видит, то и усваивает как норму — копирует и повторяет. Вот в чем причина развития

страстей в детях — пример родителей. Страшно выносить такой приговор, но родители, нарушающие заповеди Христовы, не ведущие борьбу со своими страстями, не готовящие себя к Суду Божию, забывшие о будущей вечной участи, — **сами становятся губителями своего ребенка** с точки зрения вечности. Нередко добросовестно исполняя свои обязанности в отношении питания, телесного здоровья, образования, материального наследства и других житейских вопросов, родители грубо нарушают свои духовные обязанности по отношению к Богу и к детям. Как горько звучат слова преподобного Симеона Нового Богослова о родителях: «И если бы диавол не находил пригодных орудий злости своей к совершению того, что желает, или в родителях детей, или в кормилицах, или в тех, которые с ними обращаются (как вначале — в змие и жене), то, наверное, не мог бы он похитить и себе присвоить ни одного из них. Ибо, как свидетельствует действительность, эти сказанные нами лица **учат их с детства всякому злу и лукавству, срамословию, чревоугодию, плясанию, щегольству и всяким другим**

худостям — сребролюбию, тщеславию, славолобию, гордости, и к этим худостям они приучают их с детства и воспитывают в них. Почему прежде еще, чем дети придут в познание себя и начнут сами рассуждать, они чрез научение их означенным худым навыкам и расположениям, **предают их диаволу в рабы**, лишая их, несчастных, благодати сыноположения и полученного ими освящения, сами не зная, что делают, как несмысленные.

Из отцов нынешнего века никто почти не воспитывает детей по-христиански и не обучает их правилам и заповедям Христовым, но все почти воспитывают их в обычаях мирских и нравах еллинских. О чем-либо христианском и заботы им нет, и не говорят они с Иовом: *негли когда сынове мои согрешиша и в мысли своей злая помыслиша противу Бога?* (Иов 1, 5). Не страшатся они и не трепещут при мысли, не сделали бы дети их что-либо неуместное и не отпали бы чрез то от рабства и сыноположения Христа, заклавшегося для спасения нашего, и не сделались опять рабами врага нашего, тирана — сатаны, и не были осуждены на смерть и вечное

мучение в огне. Один страх обдержит их всех за детей своих и одна у них забота относительно их: как бы сделать их показательными пред людьми, славными и блестящими, не добродетелию и целомудрием и не равнодушием к пышностям и утехам мирским, но раззолоченными сбруями лошадей, щегольскими одеждами и рабами, предшествующими и последующими им. От этого и дети их привыкают к славолобию, к пышности, к богатству и возношению. Так родителями своими дети вводятся во всякий вид страстей и без искушения бесов, а нередко по их же (родителей) влиянию, впадают они в срамные дела и дают вход в себя диаволу, отцу зла, чрез нарушение обетов, данных во Святом Крещении. Будучи таким образом воспитаны и выросши среди таких худых влияний, они внедряют в душу трудноизгладимую привычку к худому, которая со временем превращается в природу и делается уже неисправимою. По сей причине иные из них (детей) остаются в злых навыках своих до смерти, не имея сил оторваться от похотей, страстей и удовольствий плотских, с коими так и умирают; другие же приходят несколько

в чувство, познают возгосподствовавшее над ними зло и стараются освободиться от него. **Но если они не отделятся совсем от злых учителей своих (так следует их называть, а не родителями), то невозможно им будет освободиться от укоренившихся в них злых навыков»** *.

Давайте вспомним, какие мы использовали слова и эмоции при обращении к младенцу, еще ничего не смыслящему: «Какой ты у нас хороший! Ах! Какой молодец! Радость ты наша! Какая умница! Как у него все хорошо получается!» При этом восторг плещет через край, сердце переполняется радостью!.. Но ведь в этом участвует тщеславие. Такие эмоции ребенок воспринимает как норму — формируется страсть. А как мы наряжаем ребеночка? Как куклу! И это нам доставляет удовольствие. Ребенок еще ничего не понимает в нарядах, в фирмах-изготовителях, в качестве тканей, в моде. Тем более ему пока безразлична цена вещей. Все это понимаем мы, и важно это для нас. Тщеславный восторг,

* *Симеон Новый Богослов, прп.* Творения: В 3 т. Репр. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 2. С. 442–444.

рождающийся в нашем сердце, сопровождаемый хвалебными репликами, усваивается ребенком даже в бессознательном возрасте. А какие игрушки мы покупаем ребенку? Как при этом приятно нам самим, как старательно мы учим ребенка восхищаться подарками? Мы приучаем его любить наряды, игрушки, похвалу, одобрение, повышенное к себе внимание. Кто из нас задумывался: во что это превратится с возрастом, сможет ли ребенок потом обойтись без всего перечисленного? Сейчас мы навязываем ему манеру поведения, а затем начинаем осуждать, услышав первые требования с его стороны, став свидетелями истерики с катанием по полу. Это и есть обратная сторона укрепляющейся страсти. Посмотрим на пример из жизни.

Добрые люди приготовили соседскому мальчику на день рождения несколько подарков. Пригласили к себе и в течение некоторого времени вручали подарки один за другим, как бы растягивая удовольствие. С новым подарком ребенок, находящийся в центре внимания самодовольных взрослых, все больше радовался и смеялся. Потом, отведав чай с пирогом, собрал все,

что ему подарили, и счастливый ушел домой. С восторгом рассказав родителям о происшедшем, он немного позанимался новыми игрушками и... о чем-то крепко задумался. И вдруг объявил, что он еще раз должен сходить к соседям. На недоумение родителей ответил: «А может, они еще что-нибудь забыли подарить?» Плоды воспитания страсти тщеславия уже проявили себя.

А как мы играем с ребенком? Нам бывает приятно проигрывать ему, потому что родительскому тщеславию радостно проявлять ложное великодушие. Какие мы сами при этом хорошие! Щедро уступаем малышу победу и хвалим его, победителя. Что формируется в душе воспитанника? То же тщеславие, привыкающее побеждать, получать восторженные аплодисменты и рассказывать об успехах. Какие будут последствия, видно из следующего примера.

Папа обучает сына игре в «шелкунчики» (используется при этом шахматная доска и шашки). Чтобы вызвать в ребенке интерес, папа поддается, ободряет «соперника» и каждый раз проигрывает. Довольный «победитель» кричит от радости: «Да! Победа!»

Бежит к маме на кухню и делится с ней своей «удачей». Мама подхватывает торжество и хвалит: «Ай да молодец! Папу победил! Как быстро ты научился играть! Ты у нас очень меткий стрелок!» Ребенок ликует: тщеславие подогревается с каждой «победой». Всем весело, все торжествуют и смеются — возникает впечатление семейной идиллии. Но вот неожиданная перемена: в папе просыпается «жажда победы», прекращается родительское великодушие, и отец выигрывает у сына... Три секунды стоит немая тишина и раздается... истерический вопль проигравшего. Испуганная мама вбегает в комнату, пытаясь догадаться, что случилось, папа требует от «соперника» немедленно успокоиться, угрожая шлепком по мягкому месту, а сынок заливается слезами, не в силах остановиться. Этот пример показывает, как выпестованное годами тщеславие любит первенство и похвалу и не переносит поражения и обиды. Что мы, родители, делаем? В первые же годы жизни мы закладываем в детей «мины», которые потом обязательно будут «взрываться», жестоко травмируя детей и поражая нас самих.

Система стремления к успеху, основанная на страсти тщеславия, действует в детских садах и в школах в дополнение к семье. Хорошие оценки всегда сопровождаются похвалой, отличников ставят в пример всему классу, их имена украшают «доски почета», а дневники пестрят одобрениями «молодец», и другие почести сопровождают успешных. А как дети реагируют на это? Получил хорошую оценку — приятно. Кто-то еще получил такую же пятерку — появился конкурент. Конкурент становится врагом — душит зависть. Бывает, вместо привычной пятерки — вдруг тройка. Тогда целая трагедия со слезами и обидой на учителя! Очень больно сносить поражения. Казалось бы, что тут такого: что заработал, то и получил, ведь заслуженно. Если заслуженное переносится с трудом, как быть с незаслуженным? Одолеет отчаяние, вплоть до нежелания ходить в школу. Так со школьного возраста тщеславие начинает мучить человека и потихоньку усиливается.

Иногда от родителей в адрес ребенка звучат такие слова: «Тебе учиться надо хорошо. Ты же не пустомеля какой-нибудь. Разве ты

пойдешь дворником работать? Учись на пятерки, поступишь в институт, получишь престижную профессию». Естественно, родители должны следить за успеваемостью ребенка, но поощрять его стремлением к власти и славе — опасно. Одного мальчика спросили: «Как ты учишься?» Ответ был таков: «Хорошо учусь. Я не глупец, чтобы учиться плохо. Я начальником буду, когда вырасту». С удивлением уточнили: «А кто тебе это сказал?» Мальчик ответил: «Папа с мамой меня так учат». Как видно, родители стараются о благополучии сына, но заложенное с детских лет тщеславие когда-нибудь всех сильно огорчит.

Нередко за хорошую учебу родители стремятся наградить ребенка: кто сладостями, а кто деньгами. Мы сами приучаем детей трудиться за вознаграждение, и даже дела по дому исполнять за выгоду. Впоследствии, если награды нет, делать ничего не будут. «Помой пол», — просит мама. «Дай денег на мороженое», — отвечает сынок. На любую просьбу прибыль себе испрашивают. Без стимула — материального или нравственного, в виде похвалы, — трудиться не желают.

Следующий пример. Ребенок, отправляясь во двор, наполнял карманы разными сладостями. Зачем? Чтобы есть самому? Нет, чтобы угощать друзей! На первый взгляд — хороший поступок, но при внимательном рассмотрении оказывается, что в основе такой щедрости лежит то же тщеславие. Здесь доброта — средство для достижения авторитета и самодовольства. Став постарше, ребенок, желая поддержать собственный авторитет у сверстников, начал воровать деньги у родителей, чтобы тратить их на общие развлечения.

Для тщеславного похвала — самое главное, она обязательно должна присутствовать. Нередко взрослые говорят: «Он ничего, молодец, его только хвалить надо. Тогда у него все получается!» А если не хвалить, то ничего делать не будет, интерес немедленно пропадет, дело покажется скучным. Так тщеславие с детских лет буквально «въелось» в душу человека, пропитало насквозь.

Всё, что мы старательно засевали в своих детях, не может не принести плодов — плодов, горьких для нас, родителей. Вспомним, когда впервые увидели в детях неприятные

для нас проявления тщеславия? Обычно в переходном возрасте. В этот период происходит всплеск страстей, в том числе и тщеславия. Подросток может высказаться: «Чего вы меня учите, я уже самостоятельный, я уже большой! Надоели! Отвяжитесь!» В случае отказа в покупке модной вещи, без которой страдает тщеславие ребенка (если такие вещи есть у ровесников), звучит следующее: «Вы мне больше не родители!» Родители в растерянности разводят руками, говоря: «Что с ним случилось? Кто его подменил? Когда он у нас такой стал?» Какая духовная слепота! Что посеяли, то и пожинаем! Ведь такого сами родили, сами и воспитали. Просто пришло время тщеславию приносить реальные плоды. Плоды горькие, которые мы не желаем считать собственной «заслугой». Думаем, что недостойны таких огорчений.

Переходный возраст становится трагедией для многих семей. Дети «отбиваются от рук». Родители для них — больше не авторитет. Родительское слово не имеет значения, напротив, мнение улицы принимается охотно. Там такие же тщеславные делятся опытом достижения земных радостей, подражают

преуспевшим, одобряют один другого в грехах, учатся «смыслу» жизни.

В дальнейшем тщеславный постарается сделать все, чтобы не отстать от других, чтобы доставить себе удовольствие и приятность, произвести впечатление, выделиться среди окружающих. Начиная с вещей простых — модных кроссовок, нового телефона, человек перейдет к вещам более дорогим: машине, квартире, даче, отдыху в престижных местах и прочее. На всю жизнь есть у тщеславного задача: развивать свою страсть и оберегать ее от покушений со стороны ближних и дальних. А врагов вокруг будет много, то есть тех, кто хоть в чем-то может опередить его, преградить путь, помешать выделиться, поколебать его репутацию.

Так Господь Иисус Христос обличает фарисеев в неверном понимании смысла некоторых заповедей, в показном благочестии, в поиске земной славы, тем самым задевая их тщеславие. Фарисеи видят в Иисусе соперника — народ отворачивается от них и идет за Христом. Духовный авторитет учителей народа резко падает. Фарисеи злятся и завидуют, желая опорочить Спасителя,

выдумывают невероятное, что Иисус изгоняет бесов силой князя бесовского. Всеми способами хотят уличить Его. Задумывают убить Богочеловека, подыскивая для этого основательную причину. Не найдя таковой, убивают за то, что Он — Сын Божий. Что толкало фарисеев на эти действия? Тщеславие! Именно эта страсть не выдерживает обличений и завидует чужому успеху. Указавший тщеславному на его ошибку немедленно называет себе врага. Тот, кто опередил тщеславного, вызывает в нем мрачную зависть и желание немедленно сделать неприятность успешному. Откуда это желание? Его причина в страсти, которую питали с детских лет.

Если человек, который ищет земной славы, встречает на пути препятствия, он использует любые способы, чтобы их преодолеть, — вплоть до самых грубых и противозаконных. А имеющий славу, желая сохранить ее, не останавливается и перед смертным грехом. «...Ты познаешь тщеславного по особенной способности его к лести, к услужливости, ко лжи, ко всему подлому и низкому» (1, 542). Святитель Игнатий приводит здесь в пример царя и пророка Давида, который впал в грех

блуда с замужней женщиной. Боясь огласки, не желая подорвать свой авторитет в народе, царь находит способ сокрытия своего первого беззакония — вторым беззаконием, еще более страшным. Он дает приказ своему военачальнику в очередном сражении поставить мужа этой женщины в первых рядах войска. Замысел очень прост: в первых рядах воины редко остаются живыми, и муж Вирсавии погибает. Казалось бы, что тут необычного: война есть война, и других тоже убивают, но в отношении именно этого человека был дан специальный приказ с особым смыслом. И с какой целью? Скрыть срам! Поэтому пророк Нафан обличает Давида сразу в двух смертных грехах: блуде и убийстве. Цель второго греха — скрыть позор, чтобы не пострадало тщеславие. Эта страсть, руководствуя волей человека, действительно способна привести его к убийству, лишь бы сохранился престиж и авторитет среди людей.

Тщеславие опасно тем, что питает гордость. Гордость — восьмая по порядку страсть, самая страшная и опасная. Она есть — дно погибели. Отцы называют ее «демонская твердыня». Это та болезнь, которой заболел Денница, ставший

диаволом. Это самообожение! Это жизнь по своим заповедям, отрицание мнения других людей, авторитета Церкви, и даже отрицание Бога. Дальше уже погибель, вечная смерть. Гордого человека никто не может переубедить, он не хочет никого слушать, поэтому и помочь ему невозможно: ни советом, ни подсказкой, ни обличением. Так, человек, имеющий в себе тщеславие, стоит на краю пропасти (имеется в виду гордость), из которой редко кто выбивается.

Тщеславие действует в сердце человека невидимо для окружающих людей. Если грубые грехи вызывают отвращение и неодобрение среди людей, то тщеславие одобряется и поощряется в обществе. По словам святителя Игнатия (Брянчанинова), тщеславие представляется человеку как бы некоторым духовным утешением, наградой за совершенную добродетель, за труды, которые понес человек, за исполнение заповеди. Дело бывает выполнено совсем простое, а радость внутри — ощутимая. Как удобно: награда следует сразу за делом, и ждать не надо. Только вот кто наградил? Это, оказывается, подачка от сатаны, который взамен забирает

себе добро, оставляя нас пустыми, — вот так «награда»! «...Подвижник, единственно по той причине, что не имеет понятия о истинном душевном делании... предается тщеславным помыслам и мечтаниям, опирающимся на его подвиг» (5, 102).

Страсть пытается показать свою полезность и необходимость. С помощью тщеславия человек совершает даже великие дела и подвиги. Почему? Потому что силу для этих «подвигов» дает враг, сообщая ее через соответствующую страсть. Тщеславному по силам то, что для другого человека неисполнимо. Какая интересная особенность: одному бывает лень, скучно, неинтересно, а на виду, перед людьми, под одобрительные крики и аплодисменты, все становится легко и приятно. Недаром кричат и ликуют трибуны, чтобы команда забила гол и обязательно выиграла. От воплей и аплодисментов зрителей идет поддержка, подпитка тщеславия. Спортсмены «подзаряжаются дополнительной энергией» и с новым усердием атакуют ворота противника. Им надо обязательно успеть забить самый важный гол в последние секунды до свистка, чтобы выиграть матч.

«...Кровь разгорячают и приводят в движение тщеславные помыслы, а тщеславие, обратно, растит и размножает обольстительные мечты и напыщенное мнение о себе, именуемое Апостолом *дмением плотского ума*» (2, 216).

И актеры, исполняющие роли в спектаклях, и певцы, развлекающие публику, и юмористы, смешавшие народ, — нуждаются в зрителях, кричащих «браво» и оглушающих рукоплесканиями. Быть на сцене без зрителя, в пустом зале — скучно. Тщеславие не получает подпитки, совсем не тот эффект. То ли дело при наличии публики. Один известный певец прервал концерт: ему показалось, что народ вяло реагирует на его исполнение, он обиделся на публику и уехал домой.

Тщеславный легко терпит всевозможные лишения и трудности, а без тщеславия и более легкого труда порой не может совершить. Так, у преподобного Иоанна Кассиана* приводится такой пример. Монахи, жившие в киновии (малый монастырь для нескольких человек), воздерживались от пищи в течение пяти дней

* *Иоанн Кассиан Римлянин, прп.* Писания. Репр. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 249–250.

в неделю, не испытывая при этом особого труда, потому что тщеславие «подпитывало» их. Враг не мешал при этом «подвиге», а наоборот, поощрял похвалами ближних и некоторым приподнятым настроением от такого строгого поста. То, что подвижники эти находились в «капкане», выяснилось весьма просто. Оказавшись в пустыне (полное уединение), они были вынуждены начать питаться ежедневно, и с третьего часа дня томились таким голодом, что едва могли дотерпеть до девятого часа. Здесь тщеславие ничем не могло помочь, потому что не стало свидетелей их постнических трудов, и самодовольство немедленно отступило. Если же монахи, которые оставили мир, прошли достаточный путь подвижничества, целиком посвятили свою жизнь очищению души, не смогли разглядеть в себе тщеславия, то как же трудно нам, мирянам, занятым разнообразными делами и попечениями житейскими, разглядеть в себе эту тончайшую, но крепкую паутину. А ее необходимо еще и разорвать!

Тщеславие может рождать, как бы это ни было странным, благодарность Богу (эта благодарность, как мы сейчас увидим,

является ложной). Такой пример показан в притче о мытаре и фарисее, обращенной к тем, кто считает себя праведником, но при этом осуждает других (Лк. 18, 9). Вот молитва фарисея: *Боже! Благодарю тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь* (см.: Лк. 18, 11). Затем идет прямое перечисление своих достоинств, т. е. положительная самооценка и самохвальство: *пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю* (Лк. 18, 12). Фарисей в обращении к Богу показывает свою «праведность» и осуждает грешников — по сути, всех окружающих людей. Здесь выражено типичное тщеславие, и за эту страсть фарисей благодарит Бога! Как будто Бог наделил его этим тщеславием. Какая ложь! Раздавать страсти — не свойственно Господу. Он оделяет человека чистотой и святостью! А фарисей ошибается. Помраченный умом, зараженный страстью, он благодарит Бога за тщеславие, которое позволяет ему произносить такие молитвы. Полный абсурд! Так у тщеславного человека перевернуто все в понятиях вплоть до утраты веры: «Подобно сребролюбию

и корыстолюбю, тщеславие уничтожает веру в сердце человеческом» (5, 287). Он благодарит за успехи и достижения, воспринимая их как награды от Бога за свои «праведные» труды, но не может благодарить Господа за скорби, болезни и беды, считая себя не заслужившим неприятностей. В скорбях тщеславный впадает в печаль, потому что страсти подпитываться нечем. Вместо самодовольной радости сердце наполняется ядовитой горечью, а из состояния отчаяния трудно благодарить Бога, благословлять обидчиков, делать добро врагам, молиться за своих гонителей. Страсть легко обнаруживает себя охотным благодарением Бога за успехи, удачи и блага и неспособностью прославления Его святого имени в искушениях.

Варсонофий Великий пишет: «Если не имеешь сердечного плача, то имеешь тщеславие»*. Вот и еще один способ проверки себя на наличие болезни. Проверим себя! Если мы плача сердечного не имеем, т. е. не можем пребывать всегда в таком со-

* *Варсонофий Великий, прп.*, по ссылке Ксанфопулов. Добротолюбие. Ч. 2, гл. 25.

стоянии сердца, при котором **скорбим о своих грехах, сокрушаемся о своей погибели, жалеем об отлучении от Бога, о потерянном Рае, ужасаемся от представления о будущем аде и вечных муках**, то сердце наше носит в себе болезнь тщеславия, и проявления его весьма тонки и разнообразны, а мы относимся к ним с небрежением.

Легко догадаться, что искореняется тщеславие плачем сердечным. Если обрели плач, то для тщеславия места не остается, оно постепенно изживается из сердца. И в то же время, если тщеславие еще не тронуту, то плача сердечного никогда не появится. Если мы не осознаем свою болезнь, не знаем ее симптомов, проявления болезни считаем добром, если не ведем с нею сознательную борьбу, **то не только плача сердечного, но даже и покаяния в нашем сердце пока нет.** А плач является выражением постоянного покаяния. Но если так, то надо проверить: **есть ли у нас хотя бы сокрушение духа**, та самая нищета духа, с которой начинается лестница Блаженств Евангельских? Если окажется, что не обрели начальное, то как явится последующее? Значит, пока еще мы

ищем славы человеческой, а к славе Небесной не стремимся.

Как обрести нищету духа, за которой следует плач (см.: Мф. 5, 3–4)? **Надо оценить всю прежнюю жизнь в свете Евангельской истины, признать свои мерзости и беззакония, разглядеть смертельные болезни души — страсти. И осознать, что всю жизнь посвятили служению сатане, что грехами всегда оскорбляли Бога, а добро, когда-либо сделанное, спутано со злом, и мы рабы дьявола, ждет нас неминуемо ад, и конец жизни может наступить уже завтра...** Принявший все это, скажет вместе с праведным Иовом: *я прах и пепел* (Иов. 30, 19). Он посчитает себя достойным всяких жизненных бед, болезней и скорбей, говоря с разбойником: «Принимаю достойное по делам моим» (см.: Лк. 23, 41). У него останется одно-единственное желание — получить от Бога прощение своих грехов. Он вместе с пророком Давидом будет *каждую ночь ложе свое омывать слезами* (ср.: Пс. 6, 7). Так рождается сокрушение духа, постепенно уничтожающее тщеславие!

Для тех, кто не желает добровольно распознавать и уничтожать тщеславие, Бог имеет

еще одно средство — позор: *всякий, возвышающий сам себя, унижен будет* (Лк. 18, 14). Это вынужденная мера, но сильно действующая. Оказавшись в позорной ситуации, выбрать из которой непросто, а порой и невозможно, тщеславный поневоле будет рассуждать: «Как я в нее попал?» От безвыходности он, возможно, придет в храм и встретит знающих людей, способных объяснить, что привело человека к позорному столбу именно тщеславию. Так говорят в народе: «За что боролся, на то и напоролся». Действительно, искал славы человеческой — и нашел ее, прославился, только в другом качестве. Попал в промыслительное, как его называет святой Григорий Синаит, смирение*. Теперь вынужденно, под давлением обстоятельств, сокрушится дух, тщеславие не найдет для себя подпитки и постепенно отступит. Родится в человеке покаяние как осуждение прежней, прошлой жизни и желание следовать заповедям Христовым. От твердого покаяния можно ожидать плач сердца, которому

*Добротолюбие для мирян. М.: Сретенский монастырь, 1999.

по силам победить тщеславие окончательно* . Горечь плача сердечного нейтрализует сладкий яд этой страсти. Научившийся плакать вынужденно — попавший в промыслительное смирение — впоследствии полюбит плач, и смирение станет добровольным. Поэтому смирение — добродетель, противоположная страсти тщеславия: «Тщеславие делает душу неспособною для духовных движений, которые тогда начинаются, когда умолкнут движения душевных страстей, будучи остановлены смирением» (2, 215).

В заключение для тех, кто желает проверить себя на наличие страсти тщеславия и бороться с ней, приводим примерный список грехов. Указанные грехи — это плоды на дереве страсти тщеславия. Чем сильнее развита страсть, тем больше она принесет плодов. В природе на дереве бывают плоды разного размера, так и страсть может «родить» различные по тяжести грехи. **Смертные грехи** (даже один из них убивает душу и, оставшись нераскаянным, утянет в ад; такие грехи

* Подробнее об этом см.: *Игнатий (Брянчанинов)*, *свт.* Творения. Т 1, гл. 22.

выделены жирным шрифтом). **Тяжкие грехи** (их нельзя накапливать, надо стараться замечать и искренне каяться на исповеди, иначе ум потеряет способность их видеть; они напечатаны обычным шрифтом). **Простительные грехи** (их надо признавать за грехи, перестать любить и при совершении каяться; если этого не делать, то таких мелких грешков-песчинок накопится целый мешок, по весу равный тяжелому камню — тяжкому греху; они выделены курсивом).

Если часть грехов признавать и каяться, а некоторые безразлично пропускать, а то и любить, то в борьбе не достигнуть победы, такой труд окажется бесплодным. Ведь делать уборку только в половине комнаты — глупо: грязь немедленно разнесется по всему полу; так и больному желудком необходимо отказаться не только от жирного и жареного, но от перца, горчицы, уксуса и прочих острых специй. Нельзя одновременно тушить и поджигать, сушить и поливать, рыхлить и утаптывать — не будет положительного результата. Беда заключается в том, что грехи, оставленные без борьбы и раскаяния, **подпитывают и развивают страсти**, которые, укрепляясь,

приносят еще больше грехов. К чему же мы придем? Как смертный грех, так и страсть, даже одна, оставленная без должной борьбы, утянет душу в ад!

Порядок борьбы с грехами следующий. Обнаружив по списку, что в прежней жизни были совершены смертные грехи, нужно немедленно раскаяться, выразить глубокое сожаление о содеянном, сказанном или подуманном и в ближайшее время исповедовать их. Повторять смертные грехи очень опасно. Одно дело, когда совершал, не ведая тяжести греха, и другое, когда знал. Во втором случае необходимо понести епитимию. Епитимия должна проходить с искренним раскаянием и глубокой надеждой на милосердие Божие. Дальше предстоит борьба с остальными грехами. Сначала нужно **признать** перечисленные в списке примеры — **грехами** и стараться больше не допускать их. Если же грех повторится, то тут же искренне покаяться и в ближайшее время исповедовать его, хотя бы раз в одну-две недели. При правильной борьбе большую часть тяжких грехов, с Божией помощью, удастся победить; это существенно ослабляет страсть.

С простительными грехами приходится бороться до конца жизни. Это не должно приводить к отчаянию, но будет способствовать постоянному сокрушению духа, от которого рождается покаяние и смирение, уничтожающее самомнение и самодовольство. Таким же образом необходимо бороться и с другими страстями. Помогите, Господи!

Примерный список грехов по страсти тщеславие

— Рисковали жизнью ради того, чтобы прославиться среди людей;

— отрекались от веры, чтоб не потерять авторитет в обществе;

— одобряли смертные грехи, чтобы сохранить уважение к себе со стороны безбожников;

— согрешали смертно, чтобы не быть «белой вороной»;

— приступали к Церковным Таинствам напоказ (например, венчались, потому что это теперь модно);

— стыдились отстаивать истину (догматы, каноны, заповеди), если кто-то грубо её попирает;

– стыдились исповедовать свои грехи (особенно срамные), чтобы не потерять авторитет и уважение в глазах священника, утаивали грехи;

– наслаждение собою, своим мнимодуховным состоянием;

– пресмыкались перед начальниками, сильными мира сего, чтоб получить их внимание и расположение;

– приписываем своим заслугам блага, получаемые от Бога (говорим: «я сделал...», «я вырастил...», «я приобрел...», «я преуспел...» и прочее);

– желание похвалы от людей и поиск авторитета, хотим, чтобы нас уважали, чтобы с нами считались, стремимся быть впереди;

– искание славы человеческой, земных почестей, должностей и званий;

– специально чем-нибудь обращали на себя внимание окружающих;

– смакование своих достоинств, незнание собственных недостатков;

— хвастовство, приукрашивание речи, преувеличение для большей убедительности;

— обретение знаний, опыта, мастерства не ради того, чтобы послужить ближнему или Отечеству, а ради собственного престижа;

— обучение только в престижных учебных заведениях;

— следование моде, желание красивой одежды, украшений, изысканной мебели, вещей и прочего, чтобы не отстать от других или быть впереди;

— положительная оценка своих душевных качеств (самодовольство);

— положительная оценка своих телесных качеств: красоты лица, фигуры, прически, приятности голоса;

— неспособность переносить замечания, упреки, увещания как несправедливые, так и справедливые (особенно трудно переносить несправедливые упреки, а мы и справедливых не желаем терпеть);

— обидчивость, повышенная чувствительность и ранимость, слезливость по всякому

пустяку, забыли, что Бог открывает через людей наши недостатки;

— желание всякий раз оправдаться, выгородить себя, выставить себя невиновным ни в чем, указать на разные причины, лишь бы нас не уличили в лени и неумении;

— оправдываем свое незнание веры и греховность предыдущей безбожной жизнью и атеистической пропагандой, хотя гонения на веру давно прекратились;

— неспособность относиться одинаково ровно к хвалящим нас и обижающим нас;

— заискивание перед теми, от кого что-либо зависит, и презрительное или безразличное отношение к тем, от кого ничего не надеется получить;

— лесть (хваление человека, чтобы добиться его расположения к нам или ради какой-нибудь выгоды; похвала с завистью; хваление человека на людях, чтобы заметили наше «великодушие» и отметили нас);

— лицемерие (притворство, актерство, неестественность поведения);

— оправдываемся: «Я не виноват, у меня такой характер» или: «Ты сам напросился»;

— перекладываем свою вину на других, чтобы не потерять репутацию и не выслушивать упреков;

— нежелание здороваться первым, пойти на примирение первым;

— нежелание выполнять работу, «унижающую» наше достоинство;

— сами собственные недостатки еще можем назвать, но, когда их же обнаружат другие, оскорбляемся;

— приводим в качестве оправдания своих ошибок преувеличенные и вымышленные проблемы;

— боимся осуждения со стороны окружающих, страдаем мнительностью, переживаем о том, «а что подумают», «а что скажут люди»;

— следуем греховным правилам и традициям мира, чтобы не стать «белой вороной», оправдываемся, что теперь все так живут;

— уклоняемся от христианской жизни из-за ложного стыда перед знакомыми, стыдимся держать дома иконы, носить нательный крест, креститься на людях, скрываем, что ходим в храм, исповедуемся, соблюдаем посты, что верим в Бога, и т. д.; боимся насмешек, упреков и непонимания;

— огорчаемся, если не получаем похвал и одобрений, особенно когда они достаются другим;

— обязательно расскажем, если что-то придется доделать за кем-нибудь;

— пытаемся унижить, очернить, затушевать, перетолковать в худшую сторону достоинства и заслуги других людей, говорим многозначительно: «Да не так уж он хорош, как вы думаете» или: «Вы про него не все знаете»;

— с любопытством узнаем недостатки других и охотно передаем это окружающим, испытывая удовольствие;

— домогаемся возвышения и признания себя, забыли Слово Божие: *Кто хочет между вами быть большим, да будет всем слугою;*

— замечаем свои мнимые заслуги, забываем, что все доброе в нас от Бога, хотим сделать как можно больше «добрых дел»;

— видим и оцениваем свои «духовные подвиги», разыгрываем из себя благочестивых, думаем: «Вот я потрудился, сделал то-то и то-то, и за это помилует меня Господь и подаст благодать Свою»;

— совершение добрых дел ради земной славы или чтобы заметили, обратили внимание, похвалили;

— совершаем добро «ради добра», а не потому, что так велят заповеди Христовы;

— делаем добро для самоуслаждения;

— не укрываем все добрые дела от взоров человеческих, долго сами помним о сделанном, вспоминаем с удовольствием, рассказываем окружающим;

— стремимся к роскоши и пышности, желаем чем-то особенным выделиться, показаться перед знакомыми, соседями, родственниками;

— похваляемся своими пороками и стараемся хоть этим, но выделиться среди окружающих;

— расточали средства напоказ, чтобы вызвать уважение к себе или спровоцировать зависть;

— употребляем в шутку слова молитв и Священного Писания;

— *мечтания о своих способностях, о своем предназначении, значимости;*

— *думаем о себе, что смиренны, говорим об этом другим, проповедуем свои труды; хвалим себя;*

— *радуемся и вдохновляемся, когда видим, что нам завидуют;*

— *употребляли свои таланты и способности не с христианским смирением, а с тщеславным самодовольством;*

— *передразниваем, пересмеиваем других (и даже священников);*

— *изображаем с преувеличением (мимикой, жестами, гримасами) других людей, высмеиваем недостатки окружающих;*

— артистизм (копирование речи, движений, жестов) с целью рассмешить других, порисоваться, быть в центре внимания;

— часто увлекаемся всевозможными пустыми мечтаниями о своих достоинствах и достижениях;

— радовались при совершении доброго дела тем самым, приписывая его себе, а не Богу;

— земные радости считаем вознаграждением за христианское благочестие;

— принятие на свой счет похвалы за дела свои, своих подчиненных, своих детей — неспособность «переадресовать» их Богу;

— острословие, шутливый тон, «красное словцо», рассказывание смешных историй, анекдотов;

— добавление к сказанному кем-то своих остроумных замечаний, реплик, уточнений;

— приятно, когда хвалят.

Содержание

Предисловие	5
-----------------------	---

Отцы Церкви о тщеславии

<i>Святой Иоанн Кассиан Римлянин</i>	
Борьба с духом тщеславия	19
<i>Преподобный Нил Синайский</i>	
О тщеславии	32
<i>Святой Ефрем Сирий</i>	
О борьбе с тщеславием.	45
<i>Святой Иоанн Лествичник</i>	
Борьба с тщеславием.	49
<i>Преподобный Нил Сорский</i>	
Против страсти тщеславия.	57
<i>Святитель Игнатий (Брянчанинов)</i>	
О человеческой славе	61
Фарисей	74
Часть первая	76
Часть вторая	93

Поучение в среду 1-й недели Великого поста. О вреде лицемерства	109
Слово о молитве умной, сердечной и душевной	118
<i>Изречения отцов Церкви</i> <i>о тщеславии</i>	123
<i>Приложение</i>	126
О тщеславии	126
Примерный список грехов по страсти тщеславие	177

**Издательство «Сибирская Благовонница»
представляет вышедшие в свет
авторские диски
(в формате MP3)**

***Из серии «Воскресная школа
для взрослых»:***

- «Страсти – болезни души» (9 бесед)
- «Кратко о пути ко спасению» ч. 1–5
(51 беседа)
- «Толкование на Евангелие от Марка»
(20 бесед)
- «Гайны христианства» (15 бесед)
- «Трудности при подготовке
к исповеди» (7 бесед)

Темы бесед:

1. Какие бывают трудности. Сравнение сердца с комнатой.
2. Как в происшедшем событии обнаружить свои грехи.
3. Не вижу в себе гордости. Подготовка к исповеди.
4. Смертные грехи.
5. Страсти (начало).
6. Страсти (продолжение).
7. Страсти (окончание). Простительные грехи.

Краткая аннотация:

Как готовиться к исповеди, как замечать свои грехи, как правильно формулировать записи грехов, как разбираться в происшедших жизненных ситуациях, чтобы оценить качество своих поступков, как разделить грехи по их тяжести, чем отличаются страсти от грехов, что такое грехи смертные и несмертные.

Множество примеров помогают усвоить материал даже новоначальным.

По вопросам приобретения обращаться по адресам:

г. Москва, ул. Шверника, стр. 17, книжная лавка,
м. Академическая тел. 8 (499)123-72-98

г. Екатеринбург, ул. Азина 20/1, церковный
магазин «Сибирская Благовонница»
тел. 8 (343) 213-12-84
www.sybir_ural@mail.ru

ЧАСОВНЯ ВО ИМЯ СВЯТАГО ДУХА
ул. Шверника, строение 17, м. Академическая
тел.: 8 (499) 123-7298

КНИЖНАЯ ЛАВКА

Издательство

Сибирская Благозвонница

ПРЕДЛАГАЕТ ШИРОКИЙ ВЫБОР ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
БОГОСЛОВСКАЯ, ЖИТИЙНАЯ, МИССИОНЕРСКАЯ,
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ, ДЕТСКАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Большой выбор книг
для начинающих церковную жизнь.

www.blagozvon.ru

СТРАСТИ – БОЛЕЗНИ ДУШИ
ТЩЕСЛАВИЕ

Составитель
Сергей Михайлович Масленников

Редактор *А. В. Шпак*
Корректор *Т. А. Копяткевич*
Художественное оформление *С. Ю. Губин*
Верстка *В. А. Фролова*
Техническое сопровождение *Ю. В. Мосягин,*
Е. В. Аксенова

Сибирская Благовонница

Подписано в печать 23.05.11. Формат 70x100/32
Бумага офсетная. Печ. л. 6,0 Тираж 10 000 экз.
Заказ № .

Адрес издательства:
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6,
E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvон.ru

Отдел оптовых продаж:
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 17а,
телефон/факс: 8(495) 363-45-10

Отпечатано с электронных носителей издательства:
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024,
г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5
Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34, телефон/факс
+7(4822) 44-42-15
E-mail: tpk@tverpk.ru; sales@tverpk.ru